

ЗАМѢТКИ ПО ДОРОГАМЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

ВЪВЕДЕНІЕ И ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша среднеазиатскія области доселѣ пугаютъ воображеніе всякаго живущаго вдали отъ нашихъ восточныхъ границъ, а потому иныя представляютъ себѣ неудобства дороги сюда и недостатки жизненныхъ потребностей, т. е. воды и т. д., въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Немало, правда, помогаютъ заблуждаться на счетъ здѣшней стороны преувеличенные рассказы досужихъ господъ, съ пылкимъ воображеніемъ, здѣсь побывавшихъ. Оставьте эти рассказы при ихъ авторахъ—герояхъ: дороги здѣшнія далеко не такъ ужасны, какъ, можетъ быть, рисуетъ ихъ неукротимое воображеніе. Онѣ, подѣ-часъ, дѣйствительно, не представляютъ удобства даже нашихъ проселковъ, но чего же требовать отъ края, которому всего четыре года минуло со дня его возрожденія? Назадъ тому четыре года, т. е. при кокапцахъ, здѣсь нельзя было шагнуть безъ того, чтобы не рисковать жизнью. Теперь по степи и по Сыръ-Дарьинской Области поѣзжай, кто хочетъ.... Конечно, на здѣшнихъ станціяхъ нѣтъ кофе, но что жѣ прикажете дѣлать? Пусть каждый, собираясь въ дорогу, позаботится въ Оренбургѣ о всемъ необходимомъ, и, вполне увѣренный, что киргизы на него не нападутъ и волки или тигры не заѣдятъ, онъ спокойно проѣдетъ наши степи съ одного конца до другаго. Развѣ гдѣ—нибудь лошадей не скоро дадутъ, или ихъ не будетъ совсемъ, или не понравится упряжь и т. п.; но все это не рѣдкость и на Руси, а въ степи, гдѣ, кромѣ киргизовъ, никто не берется содержать станціи, такіе случаи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими неисправностями, извинительны. Но извиненія, по моему, мало: стоитъ благодарить киргизовъ, что они не отказываются содержать станціи, а не бить ямщиковъ, какъ это позволяютъ себѣ нѣкоторые

«благородные» рыцари, представители, будто бы, цивилизаціи въ дикихъ странахъ.

Я буду очень доволенъ, если предлагаемая статейка, не смотря на свою краткость, послужитъ, для отправляющихся сюда съ далекаго сѣвера или юга Россіи, путеводителемъ и доставитъ кому-нибудь, хотя минутное, развлеченіе въ дорогѣ. Это и было главнымъ поводомъ появленія статьи въ печати.

Замѣтки мои имѣютъ характеръ, по преимуществу, топографическій, хотя мѣстами касаются и этнографіи края, впрочемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, безъ малѣйшихъ претензій на спеціальность; почему и личные впечатлѣнія мои и вся обстановка, при которой я совершалъ переѣзды, оставлены почти въ томъ видѣ, какъ они были записаны и печатались въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Къ статьѣ приложены: а) карта, б) маршруты, в) курсъ туземной монеты, и д) собраніе, необходимыхъ въ дорогѣ, киргизскихъ и сартовскихъ фразъ, которыя я призналъ нужнымъ помѣстить, потому что мнѣ не одинъ разъ приводилось снабжать ими путниковъ, незнакомыхъ со здѣшнимъ языкомъ.

Были же когда-то разосланы въ войска, для руководства въ Дунайскихъ Княжествахъ, молдо-валахо-турецкіе разговоры и словарь, напечатанные русскимъ шрифтомъ. Попробуемъ и мы вникнуть въ дѣлу языкъ киргизовъ и сартовъ.

Самаркандъ.
Январь 1869.

I.

ОТЪ ОРЕНБУРГА ДО КАЗАЛИНСКА.

Сорфты на дорогу.—Дуть до Орека.—Пухляки и мали.—Орекъ.—Степная станція.—Фортъ Карабутахъ.—Уральское укрѣпленіе.—Каракумъ.—Вода.—Промажіе кушцы.—„Жалобныя“ книги.—Ямщики-киргизы.—Лошади.—Верблюды.

Пользуясь правомъ путеводаителя, статья моя, прежде всего предлагаетъ путнику нѣсколько совѣтовъ, чтобы предохранить его отъ промажовъ и неприятностей. Начнемъ съ экипажа.

Экипажъ на желѣзномъ ходу, бесспорно, лучше повозки на деревянныхъ осяхъ; но если вы не надѣетесь на оси, въ данную минуту, то лучше возьмите запасныя: иначе много времени потеряете гдѣ нибудь на починку экипажа. Иритомъ же, конницы есть только въ укрѣпленіяхъ и въ сартовскихъ городахъ. Запасныя оси всегда пригодятся, такъ какъ здѣсь экипажи, вообще, дороги. Экипажи на деревянныхъ осяхъ дешевле и отчасти удобнѣе для ѣзды на весу и по грязи. Запасъ на дорогу нѣсколькихъ, разной толщины, веревокъ, мази для колесъ, другаго экземпляра сердечника (шворень) и другихъ принадлежностей экипажа представляется благоуметрѣнію путешественника; но особенное, исключительное вниманіе нужно обратить на колеса, способныя, по здѣшнимъ дорогамъ, повергнуть беспечнаго путешественника въ несчастное отчаяніе, заставить его, со всѣмъ богатствомъ, сидѣть сначала среди степи, потомъ на станціи и, затѣмъ, отправиться далѣе на перекладной или верхомъ на вошь, а не то и на верблюды.

На каждой степной почтовой станціи имѣется по три или по четыре тройки и потребная на это число лошадей сбруя. Иногда, при большомъ разгонѣ, проезжающіе приходится дожидаться пока сбруя вернется домой; поэтому возмъ *лдушкимъ* *слишкомъ* *величине* *затягиваются*, по возможности, хоть старой *сбруей* въ Оренбургъ; на толчкѣ расколѣ невеликъ; за то не будетъ останавливать, потому что лошадей у киргизовъ довольно. Но берегите ваши камушки и дугу отъ киргизовъ, вторые, жодь-чашъ, весьма хороваты: увезуть, напримеръ, камушки, не снимая его съ лошади. Берегите также хлѣба, составляющій для киргизовъ лакомство. Остатокъ въ степи бѣтъ хлѣба очень легко, если вы будете раздавать кусочки пшеничной- или ячменной муки или плохо поможете ваши запасы.

При самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, вы проѣдете

расстояніе отъ Оренбурга до Ташкента въ три недѣли, а потому, на это время, кромѣ чая, сахара и непремѣнно мѣднаго чайника, необходимо запастись хлѣбомъ, который, впрочемъ, можно имѣть, хотя и плохой, въ фортахъ и городахъ; табакомъ, холодными закусками: сыромъ, колбасой и т. п.

Вообще, если вашъ экипажъ помѣстится и прочень, *не оставьте въ немъ ни одного уголка пустымъ*: вещь, кажущаяся ненужной въ Оренбургѣ, заставитъ васъ вспомнить о ней дорогой или въ Ташкентѣ, подчасъ съ раскаяніемъ, что не запаслись ею. Здѣсь все очень дорого и плохо.

Распорядившись, такимъ образомъ, посылайте за лошадами, и въ путь.

По дорогѣ, до Орска, нѣтъ ничего достойнаго вниманія, кромѣ пуховыхъ шалей, перчатокъ, чулковъ и носовъ, которые приготавливаютъ въ этой мѣстности оренбургскія кавалки, и такъ поучено, что на лондонской всемірной выставкѣ была, говорить, огромная шаль, проходившая очень свободно чрезъ обыкновенное кольцо съ женщиною. Вдущихъ осенью или зимой машина купить изъ такихъ вещей что нужно.

Дорога до Орска идетъ по равнинѣ, а только двѣ послѣднія станціи передъ городомъ покрываютъ *Губернскія* или *Губернскія горы*, начало Уральскаго хребта. По нѣтнѣю моему, изъ удобнѣе пройти днемъ, нежели ночью.

Городъ *Орскъ* находится уже въ киргизской степи, на лѣвомъ берегу рѣки Урала. Орскъ былъ когда-то даже крѣпостью, но, съ уничтоженіемъ окрестныхъ киргизовъ и построеніемъ форта Марабутана, орская крѣпость утратила смыслъ и обратилась въ одну изъ непривлекательнѣйшихъ уѣздныхъ городишекъ. Въ Орскѣ двѣ почтовыхъ станціи: одна для возвращающихся изъ степи, *русская*, другая для идущихъ въ степь, *киргизская*.

Отъ Орска начинается киргизская степь, по которой вы и пойдете отъ станціи до станціи, или, вѣрнѣе, отъ землянки до землянки, по самой односторонней, порою совсемъ неоживленной мѣстности. Правда, и землянки иногда не имѣютъ стеколъ, но все-таки онѣ похожи на жилища.... Будьте осторожны: вамъ, можетъ быть, придется предвидѣть нась и болѣе, пока ямщикъ вашъ отряжетъ лошадей, ступитъ по сѣдлету въ оврагъ кабиту (арту) и отряжетъ изъ нея—заговорившись предварительно съ позовшимъ о томъ, кто вы, въ какомъ экипажѣ ѣдете и т. п.—какого-нибудь молчаливаго киргиза, который, къ довершенію всѣхъ вашихъ несчастій,

объявить, что лошадей нѣтъ, что онѣ увезли на слѣдующую станцію. Проѣзжало, что до станціи этой считаютъ тридцать верстъ (на самомъ дѣлѣ, нѣкъ будешь за 50), и порадуешь вѣсть своими ожиданиями лошадей къ свѣду.... А те, извольте, онѣ могутъ также доложить вамъ, что лошади есть, но только въ степи, вѣтъ недалеко, за пригорномъ, и что онѣ уже посажь за ними.... Все это неправда. Завернитесь въ шубу и спите до утра: оно, по пословницѣ, мудранѣе вѣчера. Лошади, навѣрное, ранѣе половины слѣдующаго дня не вернутся, а посылатъ за ними за пригорень киргизъ и не думаетъ; если же и послалъ, то посланный захватилъ съ собою кусокъ грязнаго войлока и легъ спать за бугромъ, до утра.... Да, все это очень печально, въ особенности если вы не знаете языка и некому передать киргизамъ ваши требованія. Но такія непріятности существуютъ только между Орскомъ и Базалинскомъ. Отъ Базалинела, гдѣ начинается Сыръ-Дарьинская Область, и до Ташкента, на каждой станціи есть смотритель—солдатъ или казакъ, знающій языкъ. Тутъ дѣла идутъ иначе.

Первое степное укрѣпленіе послѣ Орска, на пути вагонъ, будетъ *форте Карабутака*. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ казармъ, для небольшого гарнизона, и изъ маленькой цитадели, на горѣ, съ какой-то странною башней.

Блудшимъ въ тяжелыхъ экипажкахъ, съ семействами, и господамъ рѣблага десятка не *соизволю* пускаться изъ Карабутака въ дорогу на Уральское укрѣпленіе ночью, въ особенности темною: непосредственно изъ воротъ станціи идетъ крутой спускъ и поворотъ направо, кругомъ горы, на рѣкъ Карабутака, гдѣ, по неосторожности соннаго ямщика, легко можно получить большую непріятность. По выѣздѣ въ степь дорога пойдетъ ровная, почти ничѣмъ не отличающаяся отъ той, что проѣхали до Карабутака, какъ и само *Уральское укрѣпленіе* (*), въ которое приведетъ васъ эта дорога, мало чѣмъ отличается отъ него; развѣ только цитадель въ немъ обширнѣе карабутакекой, да вокругъ есть небольшое поселеніе съ нѣсколькими набаками и лавочками. Въ цитадели церковь и лекарь.

Съ Уральского укрѣпленія превращаются почтовые земляники и черезъ три или четыре станціи начинаются пески *Каракумъ*. Въ переводѣ на русскій языкъ слово это значитъ *черный песокъ*. На всемъ пути черезъ Каракумъ я нигдѣ не видалъ ни крупинки чернаго песку, а потому думаю, что пески эти названы такъ по ихъ непривѣтливости, которая, впрочемъ, по почтовой дорогѣ, не заяв-

(*) По киргизски—Джаръ-кула.

ляетъ себя ничѣмъ особеннымъ, кромѣ обычнаго однообразія окрестныхъ видовъ, остановою среди дороги отъ песку и бесмыслию лошадей и дурной воды въ колодцахъ. Совѣтую *вовсе не пить* эту воду, или, по крайней мѣрѣ, приправлять ее сиропомъ или виномъ. Она не особенно неприятна на вкусъ, но весьма дурно дѣйствуетъ на желудки непривычные, особенно на извѣщенные изысканными яствами и питіями. Чай изъ каракумской воды плохъ. Говорятъ, что почтовая дорога пролегаетъ по лучшей части Каракумовъ, въ остальныхъ частяхъ своихъ еще болѣе непривѣтливыхъ.

Почтовые домики замѣнены въ Каракумѣ *кибитками*, безчисленное множество развѣ описанными разными путешественниками. Въ нѣкоторыхъ станціонныхъ кибиткахъ есть желѣзныя печи, а въ иныхъ и совсѣмъ Русью пахнетъ: въ нихъ помѣщаются казаки, содержащіе, мѣстами, по почтовой дорогѣ въ Каракумѣ пикеты. Это—для порядка; но я помню, какъ, на станціи Джалаули, казачій урядникъ, завѣдывавшій пикетомъ, общавши дать лошадей мнѣ, прибывшему прежде и съ казенной подорожной, отдалъ ихъ проѣзжимъ торговымъ бухарцамъ, конечно не даромъ. Хорошъ примѣръ для киргизовъ! Вообще нужно быть осмотрительнѣе и отстаивать права казенной подорожной: иначе бухарцы, исключительно люди торговые, всюду будутъ встрѣчать преимущество, благодаря нѣсколькимъ гривнамъ и чаю, который они пьютъ почти на каждой станціи, и все-таки уѣзжаютъ прежде неосмотрительнаго обладателя казенной подорожной.

«*Жалобныя*» книги существуютъ на очень многихъ станціяхъ, но пользы отъ нихъ нѣтъ ни малѣйшей. На ихъ дѣвственныхъ страницахъ досужіе путешественники изощряютъ иногда свое остроуміе, или плачутся на судьбу.... Ревизуются ли такія книги или нѣтъ—неизвѣстно. Да и что толку въ ревизіи?... Киргизы дики и просты, и если причиняютъ проѣзжимъ неприятности медленностью, то бессознательно, а проѣзжіе, въ свою очередь, нерѣдко бьютъ ихъ. Кто правъ, кто виноватъ—судить трудно, и въ *жалобныхъ* книгахъ того не прописано.... На водку киргизы—ямщики просятъ все, хотя и не все пьютъ ее; однако есть и такіе, что не отказываются отъ рюмки и пьютъ при случаѣ въ фортахъ, какъ и русскіе люди. Вообще же киргизы, какъ мусульмане, водки не употребляютъ. Лошади въ Каракумѣ незавидны, потому собственно, что дороги песчаны, и вы не отказывайтесь отъ верблюдовъ, даже прямо требуйте ихъ: верблюды везутъ хотя и медленнѣе лошадей, но за то не станутъ. Относительно кротости и послушности верб-

людовъ будьте покойны, хотя все-таки предупреждайте возницъ, чтобы въ корень (т. е. въ оглобли) запрягали верблюда болѣе смирнаго. Съ хорошиимъ запасомъ терпѣнія и снисходительности, вообще необходимыхъ въ степи, вы отлично проѣдете пески Каракумъ, и какъ только начнутъ показываться передъ вами вдали лианы Аральскаго Моря, а потомъ даже и самое море, и въ туманныхъ очертаніяхъ горы, можете поздравить себя съ окончаніемъ пути по Каракуму. Вы уже въ Сыръ-Дарьинской Области; осѣдлые пунты по дорогѣ будутъ чаще, виды разнообразнѣе и дорожныхъ удобствъ сравнительно больше.

II.

ОТЪ КАЗАЛИНСКА ДО ТАШКЕНТА.

Городъ Казалинскъ.—Фортъ № 2.—Переправы черезъ р. Сыръ-Дарью.—Городъ Перовскъ.—Саксаулъ и колочка.—Развалины Саурана.—Туркестанъ.—Мечеть Халроузъ-Ахмедъ-Яссаи.—Базаръ.—Дорога до Икана.—Иканъ.—Арсь.—Чимкентъ.—Мѣстный Араратъ.—Сходство библейскихъ сказаній.—Ташкентъ издалика.

Казалинскъ (*), первый уѣздный городъ Сыръ-Дарьинской Области, состоитъ, кромѣ укрѣпленій, изъ значительнаго поселенія и въ состояніи удовлетворить многія изъ вашихъ дорожныхъ нуждъ. Въ Казалинскѣ есть гостинница, лавки, мастеровые, квартиры въ домикахъ поселявъ и проч.

Въ Казалинскѣ зимуетъ аральская флотилія.

Дорога изъ Казалинска, или, въ просторѣчїи, Казалы, на фортъ № 2-й, мѣстами пересѣкается иригаціонными канавами, и потому предосторожности по ней нелишни, особенно если, за предъидущїи путь, замѣчены въ экипажѣ какія-либо перемѣны къ худшему.

Близъ форта № 2-й, который, самъ по себѣ, не обращаетъ на себя вниманія, проѣзжіе переправляются на баркасѣ черезъ р. Сыръ-Дарью и до города Перовска ѣдутъ лѣвымъ берегомъ этой рѣки. Тутъ дорога одинаково непокойна, а потому, при постановкѣ экипажа на баркасѣ, нужно наблюдать за рабочими: пристани не совсѣмъ удобны и экипажу легко могутъ нанести поврежденія, которыя потомъ не остаются обнаружатся въ дорогѣ. Поэтому, кромѣ просьбы къ являющейся на переправу дежурной командѣ, также какъ и на переправѣ близъ Перовска, необходимо присоединить, въ видѣ поощренія, тамъ и сямъ «на водку». Переправляться ночью не совѣтую, особенно людямъ семейнымъ.

(*) Прежде фортъ № 1, по киргизски Казала.

Подъ городомъ Перовскомъ, въ восьми верстахъ отъ него, вы снова переправляетесь на правый берегъ Сыра.

Перовскъ основанъ на мѣстѣ казанской крѣпости Агъ-Мечеть, взятой оренбургскими генералъ-губернаторомъ графомъ Перовскимъ въ 1853 году.

Перовскъ, какъ и Казалинскъ, только еще возникаютъ. Но тѣмъ не менѣе оба города, вмѣстѣ съ Ташкентомъ, обѣщаютъ первыми выдвинутися впередъ изъ среды здѣшнихъ полуазіатскихъ, неолурусскихъ осѣдлостей.

За Перовскомъ, вмѣстѣ съ мѣстностью, начинается и природа. Свообразный и печальный *саксауловый* лѣсъ и *колючій кустарникъ* тянутся на большія разстоянія по обѣ стороны пути, и *фазаны* по одному и стаями перелетаютъ дорогу, порой въ недалекомъ разстояніи; а потому, обладая ружьемъ, можно доставить себѣ удовольствіе охотой; за успѣхъ ея, впрочемъ, никто не поручится: фазанъ хоть и подпускаетъ къ себѣ близко, но быстро свирѣвается въ кустахъ. Въ Перовскѣ и въ Джулекѣ, равнымъ образомъ у киргизовъ, кочующихъ въ районахъ этихъ мѣстъ, фазанъ весьма обыкновенная птица. Правда, довольно фазановъ на базарахъ и въ Туркестанѣ, Чимкентѣ и Ташкентѣ, но здѣсь они сравнительно дороги и какъ будто хуже. *Тигры*, безчисленные въ первые годы существованія сыръ-дарьинскихъ укрѣпленій, сохранились до сихъ поръ и беспокоятъ иногда, по словамъ киргизовъ, стада; но примѣровъ нападенія на проезжихъ не слышно; развѣ черезъ-чуръ пыльное и пугливое воображеніе способно нарисовать разные страхи; на самомъ же дѣлѣ тигръ, издавекъ заелышавъ стукъ экипажа, бѣжитъ прочь. Охотниковъ на этого звѣря, говорятъ, мало. Изъ дикихъ травоядныхъ, въ лугахъ по Сыру водятся будто-бы козы и тарпаны.

По мѣрѣ приближенія къ маленькому форту *Джулеку*, влево отъ дороги начинаютъ всплывать надъ горизонтомъ горы *Каратау*, называющіяся въ этой мѣстности *Идермен-тау*, которыя сопровождаютъ путешественника съ лѣвой стороны почти до Чимкента. По рассказамъ, горы эти покрыты зимовками, кочевьями и пашнями киргизовъ, богаты, разнаго рода, дичью, даже оленями, тиграми и кабанами. Кромѣ горъ вдали и развалинъ *Сауруна*, какъ значитса на картахъ, или *Саурана*, какъ произносятъ киргизы, до Туркестана не встрѣчается ничего интереснаго. *Сауранъ* издавекъ предстанетъ передъ путникомъ своими стѣнами, изъ-за которыхъ въ одномъ мѣстѣ выглядываютъ верхушки какихъ-то оригинальныхъ башенъ, въ формѣ гигантскихъ бутылокъ изъ-подъ рейнвейна. Башни эти очень высоки

и съ ними въ былые годы, будто-бы, бросали осужденныхъ на смерть преступниковъ. По другому преданію, башни построены Тамерланемъ (*), въ угоду его любимой внучкѣ, нелюбившей сидѣть въ гаремѣ и большой охотницѣ любоваться окрестностями и видомъ громадной мечети Хазрета, которая отсюда уже видна. Значитъ, и городъ Туркестанъ недалеко.

Дорога идетъ подъ самыми стѣнами Саурана, а потому любовательному путнику представляется возможность проинизнуть за эти стѣны и подивиться на средне-азиатскія постройки и на терпѣніе, съ которыми наглядывались одна на другую огромныя массы глины. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, имѣлась надобность въ этой городѣбѣ, потому что почти всё занятое доселѣ города обнесены глиняными стѣнами. Возница-киргизъ рассказывалъ мнѣ, что давнымъ-давно когда-то Сауранъ былъ городомъ, слѣды котораго какъ-будто замѣтны по направлению къ горахъ, и принадлежалъ какому-то султану (?), кочевавшему лѣтомъ въ сосѣднихъ горахъ, а зимовавшему въ Сауранѣ, гдѣ имѣлись помѣщенія, базары, мечети и войско. Караваны приходили въ Сауранъ со всѣхъ сторонъ и торговля въ немъ процвѣтала. Но калмыки (**) напали на городъ и разрушили его. По какимъ лѣтописямъ угодно будетъ вамъ провѣрить это сказаніе—не знаю; но, глядя на громады стѣны, со слѣдами полуразвалившихся бойницъ и башенъ, я невольно думалъ о томъ, что творилось за ними въ былое время, какія страсти и цѣли оживляли ихъ, и какъ младенствующее человечество глупо играло своими судьбами и бесслѣдно ушло, оставивъ по себѣ лишь бессмысленныя массы глины. А посмотрите на здѣшнюю природу, на горы, до прихода нашего сюда нетронутыя, и, рядомъ съ этимъ, на колѣбѣйшее всеобщее невѣжество отъ мала до велика, на царящее здѣсь искаженіе природы человѣческой. Здѣсь люди какъ-будто спали, и, сонные, безсознательно шли изстари указаннымъ имъ, отцами и религіею, путемъ жизни. Религіозный фанатизмъ и замкнутость господствовали во всей силѣ. Отношенія не выработывались; женщина презиралась и пока презирается; правда была мнѣомъ; направить на путь истинный было некому, и поколѣнія за поколѣніями плелись и плетутся, нога за ногу, не имѣя, въ прошломъ и настоящемъ, ничего, кромѣ кровавыхъ драмъ безъ смысла, кромѣ многихъ сотенъ

(*) Тамерланъ или, правильнѣе, Тимуръ-ленкъ, хромой Тимуръ, родился въ 1336 г., умеръ въ 1405 году.

(**) Въсѣ сомнѣнія, это случилось во второй половинѣ XVII вѣка. На прежде, въ послѣ калмыки тутъ не были.

тысячъ жертвъ, падшихъ тоже безосознательно, и кромѣ нечеловѣческихъ формъ жизни, весьма рельефно характеризующихъ нравственное несовершенство массъ. Безъ посторонняго вліянія, Средней Азіи никогда бы не проснуться, и участь ея—оставить по себѣ лишь кучу глины—была бы участію неизбежной. Но время, исцѣляющее всевозможныя болѣзни, уврачевало уже отчасти, и окончательно уврачуешь, общественныя раны здѣшняго населенія, большого нравственно и хилаго физически. Благотворное вліяніе русской власти не замедлило обнаружиться. Дороги свободны; купецъ смѣло идетъ со своимъ караваномъ и спокойно спитъ дома, увѣренный, что ничей произволъ не обезпочитъ его; горожанинъ не боится за свою красавицу—жену или дочь; рабство уничтожено; взаимнъ равобойничьихъ шаекъ, горы наполнились искателями ихъ богатствъ; конкуренція по всемъ отраслямъ торговли и промышленности начала обнаруживаться.... Кажется, на первое время довольно нашихъ заслугъ въ Средней Азіи?...

Туркестанъ, или, по сартовски, *Хазретъ - Султанъ*, первый средне-азиатскій городъ по пути сюда, взятъ въ 1864 году. Я подъѣхалъ къ Туркестану ночью, но доселѣ помню впечатлѣніе перваго средне-азиатскаго города. Ночи здѣсь великолѣпны потому, что небо и звѣзды необыкновенно ярки, и созвѣздія какъ—будто непохожи на наши сѣверныя. Туркестанъ, какъ и всѣ почти средне-азиатскіе города, окруженъ садами. Огромныя стройныя тополи красиво огибаютъ дорогу между садами и въ общемъ производятъ необыкновенное впечатлѣніе на воображеніе небывалаго въ здѣшнихъ краяхъ путника. Присоедините шумъ арыковъ—и кругомъ васъ невиданная вами оригинальная обстановка.

Въ Туркестанѣ достойна вниманія мечеть временъ Тимура—Хазретъ—Ахмедъ—Яссави, а по-русски просто *Азретъ*. Въ ней похороненъ мусульманскій святой теологъ *Ахметъ—Яссави*, потомки котораго, живущіе въ Туркестанѣ, и доселѣ избавлены отъ податей. Мечеть, по величинѣ своей, принадлежитъ къ тѣмъ семи громаднымъ постройкамъ Тимура, которыя, здѣшними лѣтописцами, считаются чуть не семью чудесами свѣта. Къ нимъ же принадлежитъ цитадель г. Шарсабиза и мечети г. Машеда (въ Персіи).

Мечеть Хазретъ—Яссави подробно описана въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Военнаго Сборника» за 1866 годъ.

Узкая улица ведетъ къ воротамъ мечети; ихъ охраняетъ часовой. Дворъ мечети обстроенъ садами, въ которыхъ временно или постоянно помѣщались, въ прежнее время, служители храма, богомольцы

и весь тотъ людъ, который необходимъ при мечетяхъ въ мусульманскихъ государствахъ: дуана (юродивы), странники и т. п. Теперь сажли эти, также и небольшая мечеть надъ могилкой упомянутой выше непогоды—взучли Тимура, на томъ-же дворѣ, равно и самъ Хазретъ, пруты. Кажется, разъ въ недѣлю «правовѣрные» стекаются со всѣхъ концовъ города, вмѣстѣ съ богомольцами издалека, и творять намазъ надъ могилкой Ахмеда.

Задний фасадомъ мечеть почти примыкаетъ къ стѣнѣ цитадели. Если войти на барбетъ, то Туркестанъ откроется во всѣ стороны, кромѣ той, съ которой высится громада Хазрета, съ гнѣздомъ анста на одномъ изъ своихъ куполовъ. Тутъ, глядя на узкія и кривыя улицы, на низкія сажли съ плоскими крышами, на сады съ ихъ стройными и высокими красавцами—тополями, на движеніе разнообразной, характерной толпы, можно составить себѣ понятіе о наружномъ видѣ всѣхъ средне-азіатскихъ городовъ. А чтобы разочароваться—нужно спуститься съ барбета и идти на базаръ. Узкія, только въ лѣтній зной сухія, улицы приведутъ васъ на базаръ. Онъ очень невеликъ въ сравненіи съ ташкентскимъ, но оригиналенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Средне-азіатскій базаръ состоитъ обыкновенно изъ сплошной линіи лавокъ съ равными разстояніями и дѣлится на ряды, т. е. чайный рядъ, ситцевый и т. п., или представляетъ собою смѣшеніе разныхъ предметовъ торговли. Такъ, около лавки съ мелочью, т. е. со шнурками, тесемками и т. п., находите трактиръ, въ сущности такую же лавку, въ которой на большомъ очагѣ готовятся туземныя кушанья; далѣе встрѣчаете рядъ шипящихъ самоваровъ, жушны для чая, китайскія чашки, мѣшокъ съ кишмишемъ и кучу туфлей у порога. Тутъ пьютъ чай. Потомъ идетъ лавка мясника, съ вывѣшанными на показъ бараньими тушами; за ней видите лавку, набитую халатами, азіатскими и русскими тканями, платками и т. п., далѣе кондитерскую, уставленную мѣшками съ фисташками, кишмишемъ, орѣхами, урюкомъ, увѣшанную виноградомъ и дынями, искусно оплетенными соломой во избѣженіе порчи, и т. д. Всѣ эти лавки дверей не имѣютъ; только на ночь наружная сторона ихъ сплошь забирается досками, сквозь которыя, проѣзжая по улицѣ ночью, видите огоньки. Въ лавкѣ, среднеазіатецъ, кромѣ торговли, творитъ омовеніе и намазъ, занимается туалетомъ, мастерствомъ, пьетъ чай, ѣстъ и спитъ, не бывая дома по недѣлѣ и болѣе. Такии образомъ, базаръ, торговля являются единственными проявленіями общественной жизни среднеазіатцевъ, вообще сонныхъ и лѣнливыхъ.

По пути изъ Туркестана въ Чимкентъ замѣчательна дорога отъ Туркестана до деревни *Иканы*, дорога ровная, какъ столъ, по которой, въ декабрѣ 1864 года, сотня уральцевъ, подъ командою есаула Сѣрова, въ теченіе трехъ сутокъ геройски выдерживала напоръ безчисленныхъ коканскихъ сподвижъ и почти вся легла, спасши г. Туркестанъ.

Деревня или, на иныхъ картахъ, крѣпость *Иканы* очень бѣдна. Иканы, послѣ дѣла Сѣрова, сильно пострадали за преданность русскимъ, отъ полчищъ Алимкула, который ихъ почти всѣхъ велѣлъ гнать въ Ташкентъ. И полунагихъ, босыхъ и голодныхъ, съ семействами, ихъ погнали по зимней дорогѣ для того, чтобы нищенствовать въ Ташкентѣ.

Двѣ послѣднія станціи въ Чимкенту заслуживаютъ также вниманія путешественника.

Станція *Арсъ* или, по русски, *Арысъ* расположена на рѣчкѣ *Арсъ*, весьма неглубокой, но быстрой, а потому, переправляясь черезъ нее у станціи въ бродъ, не мѣшаетъ слушаться ямщиковъ, которыми это дѣло знакомо. Со станціи *Арсъ* до слѣдующаго пункта пойдетъ отвратительная дорога по носогорамъ. Всѣмъ, приспѣвшимъ на *Арсъ* къ ночи, рекомендуется переспать, потому что и днемъ можно встрѣтить по этой дорогѣ большія непріятности, даже въ родѣ перелома руки или ноги, или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ поврежденій въ экипажѣ. Тормазъ въ этой мѣстности необходимъ.

Чимкентъ—второй средне-азиатскій городъ, по дорогѣ отъ Оренбурга до Ташкента. Чимкентъ, городъ наиболѣе пострадавшій отъ штурма, расположенъ вокругъ горы, занятой цитаделю. Дорога въ цитадель идетъ съ базара по крутому подъему. Въ городѣ очень порядочный базаръ. Русская слобода застроилась изрядно; въ лавочкахъ можно кое-что искупить.

Слово Чимкентъ въ переводѣ значитъ *зеленый городъ*. Въ самомъ дѣлѣ, въ Чимкентѣ много садовъ, много воды, и городъ имѣетъ вообще привѣтливую фивіономію.

Съ Чимкента дорога, почти подъ прямымъ угломъ, поворачивается на югъ и все время идетъ въ виду горъ *Каратау*, которыя въ одномъ мѣстѣ подходятъ къ ней такъ близко, что является желаніе подняться на хребетъ. Но это обманъ зрѣнія: горы высоки и далеки. Та, что всѣхъ ближе и особенно манитъ, зовется *Казбекъ*. Въ мѣстныхъ преданіяхъ она играетъ роль нашего *Арапата*. По словамъ туземцевъ, на ней есть слѣдъ ковчега Ноя. Подобное сходство библейскихъ сказаній съ преданіями и книгами мусульманъ встрѣ-

частенъ очень часто. Напримѣръ, толкованіе инакомъ Агзамомъ свидѣнія халифа Гаруна почти ничѣмъ не отличается отъ славанія библіи объ Іосифѣ и Фараонѣ: Объясняется это просто тѣмъ, что мусульманство весьма многое заимствовало изъ библіи.

О Ташкентѣ, окруженномъ садами, будто широкою лентою, я надѣюсь поговорить въ особомъ трудѣ; здѣсь же замѣчу только, что въ русскомъ кварталѣ Ташкента, именно въ домѣ Жемчужникова, есть номера, а въ слободахъ много квартиръ; извозчики, на самыхъ разнообразныхъ колесницахъ, укажутъ кухмистра и т. д.

III.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО ТОКМАКА.

Дорога до Ауліе-ата. — Манкентъ. — Горы Алатау и Каратау. — Ауліе-ата. — Александрогрaдъ. — Коканскія и наши крѣпости. — Поселане. — Каракиргизы.

Дорога отъ Ташкента до Ауліе-ата идетъ черезъ Чимкентъ и далѣе черезъ небольшой городокъ *Манкентъ*, который представляетъ единственную осѣдасть на всемъ пути между Ташкентомъ и Ауліе-ата. И немудрено: всѣ степи, по лѣвую сторону дороги, и всѣ горы по правую населены кочевниками киргизами и каракиргизами, ненуждающимися, какъ извѣстно, ни въ тѣни садовъ, ни въ кровлѣ осѣдлаго жилища. По дорогамъ этой мѣстности встрѣчаются вереницы навьюченныхъ верблюдовъ и кавальнады киргизскихъ всадниковъ и всадницъ: это перекочевываютъ киргизы, мѣняя степи на горы и горы на степи. Тѣ и другія, кажется, безпрѣдѣльны.

Горы провожаютъ путешественника по правую руку вплоть до Ауліе-ата, гдѣ, недалеко отъ города, ночтовая дорога ущельемъ выходитъ на долину Таласа, быстрой горной рѣчки, пропадающей въ разливахъ озера Каракуль, въ кочевьяхъ киргизовъ Большой орды. На Таласѣ построены Ауліе-ата.... Но прежде закончимъ съ горами.

Водораздѣлъ рѣкъ Чу и Таласа, начинаясь у Ауліе-ата подъ именемъ Александроваго хребта, идетъ на востокъ къ озеру Иссык-Кулю и покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ. Туземцы зовутъ горы эти Алатау — *ястрыя зоры*. Трудно придумать названіе проще и картиннѣе этого, даннаго дикарями, бродящими по горамъ во всякую пору года, во снѣгу и по зелени, въ морозъ и оттепель, которая, между прочимъ, и вызвала названіе, когда дикарь съ какой-нибудь вершины

любавался величественной и безпредѣльной панорамой горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Подъ именемъ Алатау извѣстны здѣсь и всѣ прочія горы, окружающія озеро Иссыккуль и очерчивающія долины рѣкъ: *Сусамыра*, *Джумала* и *Нарына*, изъ которыхъ образуется р. Сыръ-Дарья. Всѣ горные края южнѣе, по рѣкамъ *Калесу*, *Чоткалу* и *Чирчику*, извѣстны въ народѣ и въ географіи подъ названіемъ *Жаратау*, «черныхъ горъ». Онѣ покрываются снѣгомъ только въ зимніе мѣсяцы и также населены каракиргизами, просто киргизами и осѣдлыми таджиками, вплоть до праваго берега Сыра, и такъ же живописны, какъ и горы Алатавскія.

Минеральныя и другія богатства Алатавскихъ горъ пока еще не изслѣдованы. Но слышно, что въ горахъ много строеваго лѣса, который, конечно, значительно облегчитъ колонизацію Чуйской долины и нагорнаго края, если только колонизація не будетъ найдена стѣснительной для туземнаго населенія, состоящаго изъ незначительнаго числа осѣдающихъ туземцевъ (сартовъ) и многочисленныхъ киргизскихъ родовъ Большой и Дикокаменной ордъ.

Уѣздный городъ Сыръ-Дарьинской Области *Аулие-ата* (святой отецъ) расположенъ на рукавахъ р. Таласа, когда рѣка эта, пройдя нижнимъ теченіемъ своимъ долину между хребтами Урта-тау и Александровскимъ, поворачиваетъ на сѣверъ и огибаетъ справа первымъ возвышенности Александровскихъ горъ. Таласъ дѣлится тутъ на нѣсколько рукавовъ и бѣжитъ довольно быстро, какъ и всѣ вообще горныя рѣчки и арки этой мѣстности. Городъ расположенъ по лѣвому берегу лѣваго рукава рѣки и состоитъ изъ цитадели, хорошо командующей окрестностями, незначительной русской слободки и сартовскаго поселенія. Аулие-атинскій базаръ невеликъ, но торговля на немъ, въ особенности скотомъ и хлѣбомъ, постоянно весьма значительна. Скотъ и хлѣбъ доставляются киргизами и каракиргизами и, сравнительно съ другими мѣстностями области, весьма дешевы. Въ будущемъ, и тѣмъ болѣе съ построеніемъ здѣсь города Александрополя, пункту этому предстоитъ важное торговое и административное значеніе. Лучшимъ мѣстомъ для новаго города, по мнѣнію моему, была бы обширная площадь въ востоку отъ нынѣшняго населенія, съ почвою твердой, нетронутой, пересѣченная съ сѣвера на югъ свѣтлыми и быстрыми рукавами Таласа, который, въ свою очередь, проходя подъ Александровскими горами, находящимися весьма недалеко, окаймлялъ бы городъ съ востока. Большой почтовый путь изъ Сибири, караванный путь черезъ горы въ Коканъ, сосѣд-

ство киргизовъ, богатыхъ скотомъ и хлѣбомъ, укрѣпленный владать, вода изъ лучшихъ въ краѣ, довольно живописная мѣстность, все это служить хорошимъ ручательствомъ за процвѣтаніе новаго города, потому что непремѣнно привлечетъ торговыя и промышленныя силы. Кромѣ всего этого, основаніе Александрополя немалую пользу принесетъ и цивилизаціи края, населеннаго, по преимуществу, дикими и доселѣ воинственными родами киргизовъ, извѣстныхъ въ нашихъ старыхъ, и даже въ нѣкоторыхъ новыхъ географіяхъ подъ названіемъ *джокаменныхъ* или *закаменскихъ*.

При конанскомъ правительствѣ, съ Ауліе-ата начинался рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ или *курмановъ*, въшивавшихъ въ себя гарнизоны, съ помощію которыхъ правительство только и могло, въ случаѣ надобности, напримѣръ при сборѣ податей, вліять на своихъ бродячихъ и дикихъ подданныхъ. Но приказы хана и ауліе-атинскихъ бековъ, вѣдавшихъ эту мѣстность, порою не имѣли никакого значенія, потому что тѣ же самые киргизскіе бии и каракиргизскіе мананы, что лежатъ теперь спокойно, хотя и не всегда, въ аулахъ, осаждали бековъ въ ихъ резиденціи Ауліе-ата и опустошали окрестности города, не боясь конанскихъ пушекъ. Причиной такихъ народныхъ движеній были, по большей части, безсовѣстные поборы, сопровождавшіеся за-частую захватомъ биевъ и манавовъ, въ чаяніи, что ихъ выкупятъ родичи. И родичи иногда дѣйствительно выкупали ихъ, но иногда, выведенные изъ терпѣнія, шли войной противъ правительства, нравственное вліяніе котораго было вообще плохо. А потому со стороны правительства благоразумно было позаботиться о вліяніи чисто-физическомъ: объ укрѣпленіяхъ и пунктахъ, тоже, впрочемъ, не всегда страшныхъ для дикихъ наѣздниковъ. Укрѣпленія были на урочищахъ Меркѣ, Чалдыварѣ, Аксу, Пишпекѣ и Токмакѣ. По мѣрѣ движенія русскихъ войскъ съ сибирской границы, пункты эти, кромѣ Пишпека, очищались отъ конанскихъ гарнизоновъ сами-собою. Пишпекъ штурмовали два раза, потому что, послѣ перваго штурма, онъ не былъ занятъ нашимъ гарнизономъ, и вслѣдствіе того возобновленъ конанцами. Токмакъ, Аксу, Чалдыварь и Меркѣ были брошены. Затѣмъ, безъ особыхъ усилій со стороны русскихъ войскъ, хоть и съ большими потерями для несчастнаго населенія, была взята крѣпость Ауліе-ата, и такимъ образомъ долина р. Чу, съ киргизскими и каракиргизскими кочевьями, была завоевана вся. Изъ названныхъ выше укрѣпленныхъ пунктовъ, кромѣ Ауліе-ата, были оставлены и существуютъ теперь Меркѣ и Токмакъ.

Меркэ находится въ 140 верстахъ восточнѣе Ауліэ-ата, почти у подножія Александровскихъ горъ, и состоитъ изъ небольшого форта, на мѣстѣ коканскаго кургана, съ гарнизономъ изъ казаковъ, почтовой станціи, одного или двухъ частныхъ домовъ и нѣсколькихъ сартовскихъ лавочекъ.

Печальный уголокъ этотъ, по общимъ этапамъ, не пользуется, въ добавокъ во всему, здоровымъ климатомъ. По моему мнѣнію, онъ утратилъ и всякое значеніе, какъ административный и стратегическій пунктъ, потому что русская власть сравнительно далеко проникла уже въ горы, у подножія которыхъ стоитъ укрѣпленіе Меркэ, и на мѣстѣ его, въ настоящую пору, достаточно было бы имѣть лишь почтовую станцію и, пожалуй, на всякій случай казачью команду человекъ въ тридцать, для захвата воровъ и грабителей въ сосѣднихъ аулахъ дулатовъ и суатовъ. Пикетъ Меркэ не потребовалъ бы ремонта крѣпостныхъ стѣнъ, въ которыхъ на этой мѣстности нѣтъ теперь ни малѣйшей надобности, и которыя тутъ же напротивъ, на южномъ склонѣ Александровскаго хребта, въ верховьяхъ рѣки Таласа, были бы вполне на своемъ мѣстѣ. Здѣсь наше вліяніе, за неприступностью горъ, пока еще довольно слабо, а между тѣмъ и мѣстность выгодна для укрѣпленія, потому что всѣ мочущіе по Таласу каракиргизы богаты хлѣбомъ и скотомъ; сообщеніе Ауліэ-ата долиною Таласа будетъ тоже среди богатыхъ хлѣбомъ родовъ коши и сару; наконецъ, съ занятіемъ коканскаго укрѣпленія Буртки, на Нарынѣ, что, въ свою очередь, положительно необходимо, между нимъ и Александрополемъ весьма полезно имѣть укрѣпленный пунктъ: иначе Буртка будетъ слишкомъ далеко заброшена въ горы. Притомъ же и горнопромышленность, необезпеченная ничѣмъ съ востока, нуждается пока въ вооруженной поддержкѣ со стороны правительства. Впрочемъ, вліяніе наше на горный край, въ послѣднее время, отчасти уже упрочено построеніемъ укрѣпленія на р. Нарынѣ, у бывшаго китайскаго моста. Трудную задачу эту выполнялъ одинъ изъ достойнѣйшихъ дѣятелей здѣшняго края, генералъ-маіоръ Я. И. Браевскій.

Кромѣ Меркэ, между Ауліэ-ата и Токмакомъ осѣдлыхъ пунктовъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе, почтовые помѣщенія этой линіи лучшія въ цѣломъ краѣ. Здѣшнія станціи, какъ русскіе, такъ и туземцы, называютъ *викетами*. Эта почтовая линія заведена и устроена генераломъ Черныаевымъ, память котораго живетъ, и долго будетъ жить, въ окрестныхъ аулахъ простодушныхъ номадовъ.

Около пикета Пишпека, при коканцахъ было укрѣпленіе и поселокъ,

не теперь ничего не существуетъ, хотя и говорили, что кто-то изъ туземцевъ желаетъ поселиться тутъ снова. Это было бы вполнѣ хорошо, потому что въ окрестностяхъ есть и остатки кочанскихъ садовъ, всаженныхъ спутниковъ сартовскихъ осѣдлостей, и земля благоприятная, не слухать, въ особенности для овощей. Пышнейшіе арбузы и дыни пользуются извѣстностію. Но при обилии воды, которую съ избыткомъ шлеть по всему пространству между Меркѣ и Токмакомъ сосѣднія Александровскія горы, здѣсь вообще достаточно развито земледѣліе. Бѣда лишь въ томъ, что рѣчки и арыки, проходя черезъ дорогу, портятъ ее, подчасъ затрудняютъ путешественника и тѣмъ ослабляютъ общее пріятное впечатлѣніе пути между Меркѣ и Токмакомъ.

Уѣздный городъ Семирѣченской Области, *Токмакъ*, построенъ недалеко отъ кочанскаго кургана того же имени и заключается въ себѣ небольшой фортъ, роты на двѣ гарнизона, незначительную слободку поселенъ и небольшой базаръ.

Положеніе поселенъ доселѣ неосмысленно. Они шли собственно въ Томскую или Омскую губерніи и дошли до нихъ; но, по недостатку будто бы свободныхъ и удобныхъ земель, направлялись въ Токмакъ, услышавъ объ удобствахъ окрестностей этого пункта. Конечно, время возьметъ свои и тѣ десять семействъ, которыя живутъ теперь около Токмака, въ весьма недалекомъ будущемъ, сдѣлаютъ свое дѣло, скажутъ свое слово въ исторіи колонизаціи Чуйской долины. Поселенія могутъ быть основаны, кромѣ Токмака, на Чалдыварѣ и у Пишпена. Но, предварительно всякихъ начинаній, необходима хозяйственная съенка и, по возможности, подробное описаніе земель для того, чтобы уравнивать права на пользованіе угодьями между поселенцами и каракиргизами.

Кочевое племя это издавна живетъ здѣсь. Границами его кочевій служатъ на западъ Мерка, на сѣверъ рѣка Чу, на востокъ горы Тянь-Шань и на югъ верхнее теченіе Сыра.

Происхожденіе каракиргизовъ въ точности неизвѣстно. Есть основаніе думать, что каракиргизы, какъ и кураминцы, о которыхъ я буду говорить, родня всѣмъ подвластнымъ намъ ордамъ: Большой, Средней и Малой, потому что составляютъ колѣно той великой уйбейской орды, которая въ началѣ тринадцатаго вѣка приведена Чингизомъ. Сами каракиргизы, полные дикой поэмъ, какъ и горы ими обитаемыя, обставили свое происхожденіе легендами, характеризующими ихъ простоту и дикость, какъ истыхъ дѣтей природы. Напримѣръ, прародительницей своей они считаютъ какую-то красную

собаку.... Впрочемъ, любопытныхъ отыскавъ въ «Запискамъ Русскаго Географическаго Общества», за 1868 годъ, гдѣ есть о каракиргизахъ многія подробности. По рассказамъ, предки каракиргизовъ или, по-русски, *черныя киргизы*, будто-бы бѣглые рабы султановъ со всѣхъ трехъ ордъ, всѣ тѣ, кому было и голодно, и холодно, и больно подъ властью ничѣмъ необузданныхъ повелителей. И они ушли на охрану территорій, какъ то было и на Руси, гдѣ кавказство, выдѣлившись изъ общества въ лицѣ угнетенныхъ каленей, основалось на крайнихъ предѣлахъ родины, сложило себѣ экономическіе и другіе законы, обычан, дало себѣ одежду, выработало свой языкъ, нравы и всю обстановку жизни, не мѣняя, однако, религіи, и, наконецъ, въ окружающихъ его экономическихъ и другихъ условіяхъ края, нашло свое благосостояніе, даже избытокъ. Можно допустить, что все это случилось и съ каракиргизами; у нихъ осталась магометанская религія и бытъ всѣхъ киргизовъ; сохранилась, хотя и неполнѣй, одежда, но во многомъ измѣнились ихъ нравы, языкъ и характеръ. Начать съ того, что у нихъ нѣтъ султановъ, нашихъ дворянъ, людей *бллой кости*, за то есть манапы, правда, ничѣмъ неотличающіеся отъ толпы, однако весьма любимые ею. Должно думать, что они потомки знаменитыхъ наѣдниковъ героическаго вѣка каракиргизовъ; это люди нерѣдко бѣдные, темные, но въ большинствѣ уважаемые народомъ до того, что онъ зоветъ себя рабомъ (кулъ) манаповъ и умираетъ за нихъ въ схваткахъ.

Языкъ каракиргизовъ сходенъ съ сартовскимъ, хотя неособенно отличается и отъ общаго киргизскаго. Тѣмъ не менѣе знающему киргизскій и даже сартовскій языки понять каракиргиза на первыхъ порахъ трудно, какъ и знающимъ лишь киргизскій языкъ сначала трудно понять сарта. Впрочемъ, синтаксисы каракиргизскаго, сартовскаго и киргизскаго нарѣчій совершенно между собой тождественны. Конечно, это объясняется однимъ общимъ узбекскимъ корнемъ всѣхъ трехъ названныхъ мною нарѣчій, потому что каракиргизы, называющіе себя также просто *кыргызы*, суть узбеки, и въ окрестностяхъ Самарканда есть одно колѣно узбекское, *кыргызы*, пришедшее съ Чингизомъ изъ-за Тянь-Шаня въ составъ великой Узбекской Орды. Это свѣдѣніе имѣетъ болѣе правдоподобія, но пусть этнографы разберутъ дѣло основательнѣе.

Одежда каракиргизовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, почти ничѣмъ не отличается отъ общей киргизской. Разница въ головномъ уборѣ женщинъ, саукуля, высокой убранной жемчугомъ и расшитой шелкомъ остропопечной шапкѣ, которая, однако, рѣдко попадается въ

Малой Орды, да въ сапогахъ, отличающихся у каракиргизовъ положениемъ каблука едва не посредниѣ недавны. Обувь эта, впрочемъ, очень удобна для горъ, какъ и сартовскіе сапоги и туфли съ острыми желѣзными каблуками удобны для ходьбы по грязи сартовскихъ городовъ, когда прохожіи, съ помощію своихъ острыхъ пятокъ, едва-едва бредеть иной разъ стороной, имѣя съ одного боку стѣну, на которую опирается, а съ другаго бездну грязи.

Каракиргизы не могутъ назваться народомъ красивымъ, стройнымъ, но все же они племя здоровое, хоть и сухопарое, и обращаютъ на себя вниманіе миниатюрностію ногъ и рукъ. Про отвагу и ловкость каракиргизовъ въ горахъ нечего и говорить. Женщины каракиргизовъ красотой не славятся, кромѣ племени сарыбагышъ.

Подъ самымъ Токмакомъ у насъ сломался тарантасъ. Пеславъ лишника за почтовой телегой и оставивъ при тарантасѣ казака, я и спутникъ мой К* пошелъ бродить по окрестнымъ овошнымъ плантаціямъ (багча). Была половина августа и мы хотѣли попытать счастья, не найдемъ-ли зрѣлый арбузъ. Близъ перваго же шалаша насъ окружила толпа полувагихъ, или совѣтъ нагихъ, черныхъ, востроглазыхъ киргизятъ, и мы, въ сопровожденіи ихъ, пошли по багчамъ, много перепортили арбузовъ (за которые, разумеется, заплатили) и наконецъ попали на одинъ, оказавшійся довольно зрѣлымъ. Мы съѣли лакомиться.

— Какого вы рода? спросилъ К* толпу присѣвшихъ вокругъ насъ киргизятъ.

— Сарыбагышъ, отвѣчали нѣсколько голосовъ разомъ.

— Говорятъ, у сарыбагышей очень красивы дѣвушки, замѣтилъ шутиливо К*, а вы молодцы—посмотрите на себя....

— Да, отвѣчалъ мальчикъ старше другихъ: наши дѣвушки хороши, какъ это.... И онъ указалъ на золотой погонъ К*.

Маленькій дикарь не нашелъ лучшаго сравненія для красоты своихъ соплеменницъ.

Коренныя кочевки сарыбагышей находятся на сѣверномъ берегу озера Иссык-Куля; наши собесѣдники были байгуши, бѣдняки. Впрочемъ, довольство и даже богатство встрѣчаются между каракиргизами нерѣдко, благодаря ихъ хищности. Должно думать, что они правили свое положеніе на счетъ своихъ же критъсимителей—киргизовъ, которыхъ они зовутъ «сопьякани» (*манка-казахи*), но подчасъ, и весьма недавно, каракиргизы не щадили и другъ друга, равно и трусливыхъ сартовъ. Нѣкоторые каракиргизскіе роды во такъ воинственны, и издавна занимаются земледѣіемъ, а именно сару и коши, въ

долинъ Таласа; исключительное занятіе другихъ теперь скотоводство, хотя они нечужды и земледѣлія, а въ былое время—набѣги, *барылта*, но—русски *баранта*. Тутъ выдвигались своей отвагой и умомъ личности, становившіяся мотомъ въ главѣ цѣлыхъ поколѣній—*мананы*; тутъ храбрымъ народъ давалъ кличку—*батыры* (богатырь), которая не умирала многіе десятиа лѣтъ, за многими осталась доселѣ, а на печатяхъ манановъ я видѣлъ это слово нерѣдко. Напримѣръ: *Баймыкъ-батыръ, сынъ Камал-батыра*. И лежатъ эти богатыри на родныхъ долинахъ и по горамъ подъ высокими мавзѣаръ (памятниками), на которые ориентуруется проѣзжіи дикарь, или доживають свой вѣкъ мирно, пожалованные русскими офицерскими чинами. Въ большинствѣ они сознали, что съ русской властью пришла иная пора, хотя подчасъ дикая воля беретъ свое...

Каракиргизы воинственны, точнѣе—хищны. Но хорошимъ оружіемъ они занастись не успѣли. Да и откуда, отъ кого? Сосѣди съ одной стороны—китайцы, съ другой—сарты, съ третьей—киргизы. Извѣстно, что тѣ, и другіе, и третьи только въ послѣднее время, можетъ быть, сознали негодность своихъ фитильныхъ ружей... Всякая другая воинская принадлежность каракиргизовъ тоже незамысловата: они носятъ тѣ же кривыя сабли, кажется, имѣютъ копыя и... только. Что у нихъ оригинально, такъ это сѣдла: по складу почти тѣ же, что и у всѣхъ киргизовъ, но разнятся тѣмъ, что необыкновенно малы и окованы мѣдью, какъ и вся принадлежность, т. е. узда, пахвы (нахвостники), нагрудникъ усажены мѣдными бляхами. Сѣдла держатся на лошади съ помощію одного катаура (первой подпруги) и требуютъ отъ всадника большой привычки, сноровки, въ особенности когда лошадь горяча; тогда на миниатюрномъ, настоящемъ каракиргизскомъ, сѣдлѣ держась... Но я видѣлъ толстаконъ киргизовъ, которымъ крошечныя сѣдла были, кажется, такъ же удобны, какъ иному барину кресло. Старинныя каракиргизскія стремяна, первообразъ стремянъ всѣхъ киргизовъ вообще, дѣлаются изъ дерева и, съ помощію металлическихъ, по большей части мѣдныхъ, гвоздиковъ обкладываются костью. Воинъ каракиргизовъ весьма обыкновенны, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, и я не могу сказать о нихъ что-либо особенное, хотя слышалъ похвалы имъ, впрочемъ отъ господъ съ подозрительнымъ авторитетомъ.

Полагаю, что каракиргизскіе кони привычны къ горнымъ крутизнамъ, и только. Переносливости степныхъ киргизскихъ коней въ нихъ допустить нельзя, потому что въ горахъ слишкомъ достаточно

воды, снѣгу и вообще влаги для того, чтобы горная лошадь не гонялась для голой и знойной степи, какъ и лошадь равнинъ не всегда пригодна въ горахъ.

Рогатый скотъ каракиргизовъ мелокъ; онъ служитъ при перекочевкѣ, когда быки, коровы и даже телята несутъ на спинкахъ вьюки, всадника, или всадницу. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, на животномъ бываетъ сѣдло, и вы невольно вспоминаете известную русскую поговорку... Черезъ переносъ животного, обыкновенно еще въ молодости, продѣвается деревянное кольцо, къ которому привязывается арканъ... Съ помощью этого оригинальнаго и мучительнаго инструмента, даже дѣти распоряжаются животнымъ по произволу. Верблюды каракиргизскіе принадлежатъ къ той же породѣ, что и вообще киргизскіе. Бараны мелки и цѣнятся сравнительно съ киргизскими недорого.

Время скотоводства, общаго всемъ киргизамъ, нѣкоторые роды занимаютъ исключительно земледѣліемъ. Напримѣръ, *сару* и *кошчи*, на Таласѣ, которые разбогатѣли отъ земледѣлія съ приходомъ русскихъ и съ превращеніемъ прежнихъ безобразныхъ поборовъ. Теперь водати всѣхъ кочевниковъ ограничиваются тремя рублями въ годъ съ каждой кибитки или юрты.

Назвать точную цифру кибитокъ каракиргизовъ пока нѣтъ возможности, но думаю, что скоро это будетъ легко. А потому мы поименуемъ лишь мѣста кочеванія каракиргизовъ.

а) Родъ *султы*, раздѣляющійся, въ свою очередь, на нѣсколько родовъ и отдѣленій, кочуетъ лѣтомъ въ Александровскихъ горахъ и по р. Сусамыру; зимуетъ въ долинѣ р. Чу.

б) *Сарыоашыш* — на сѣверномъ берегу Иссыкгуля.

в) *Саякы* — частію на Сусамырѣ, частію на рѣкахъ Джумгалѣ и Кашкарѣ.

д) *Кутлусамты* и другіе — въ горахъ по рѣкамъ Таласу, Сусамыру, Карабурѣ, Чаткалу и другимъ.

Къ соціальнѣю, подробнѣи и точнѣи свѣдѣнія о нагорномъ краѣ вообще, полагаю, пока еще въ будущемъ; ихъ трудно собирать по недоступности горъ и по неопредѣленности нашихъ границъ и нашего вліянія на сосѣдей. Только постояннымъ успѣхамъ оружія, сдѣлавшимъ русское ния грознымъ и уважаемымъ во всей Средней Азій, мы обязаны вліяніемъ на каракиргизовъ. Помимо страха предъ нашими штыками и пушками, и ния Чернаева живетъ между каракиргизами: онъ умѣлъ привязать къ себѣ этихъ дикарей и они

звали и зовутъ его *батыремъ*. Я слышалъ, что одинъ старый и почтенный манапъ, кажется изъ рода сарыбагышъ, начиналъ письмо свои къ Черняеву такъ: «*Сыну моему, военному губернатору, генералу Черняеву...*» Тогда въ подданствѣ Россіи были роды сарыбагышъ, суаты, коши и сару. Другіе платили дань Кокану. Скоро передался многочисленный родъ саякъ; за нимъ, лѣтомъ 1867 года, перешель, хотъ и не вполне, родъ кутлусантъ, и... кто знаетъ? можетъ быть, благодаря славѣ русскаго имени, передадутся и другіе роды, которыхъ, вокругъ озера Иссыккула, на Нарынѣ и южнѣ въ предѣлахъ Коканскаго ханства, говорятъ, еще довольно. Предварительно необходимо упрочить наше вліяніе на тѣхъ, которые къ намъ уже пришли; иначе цѣль правительства—умиротворить край—не будетъ достигнута по причинамъ весьма простымъ: дикари ничѣмъ не связаны въ горахъ, и какой нибудь разбойникъ *Байтыкъ*, нашаливъ, имѣетъ почти полную возможность отпочевать съ своими аулами въ горы на Джумгалъ или въ верховья Нарына. Такъ едва не случилось въ 1867 году, когда манапъ этотъ, разграбивъ манапа Рускульбека и уклоняясь отъ слѣдствія, имѣлъ, по сообщенію бывшаго на Нарынѣ съ отрядомъ полковника Полторацкаго, намѣреніе уйти въ коканскіе предѣлы, но не могъ исполнить его потому, что дорогу, кромѣ полковника Полторацкаго, стерегли саяки, родственники ограбленнаго Рускульбека. Манапа этого я видѣлъ, въ ту пору, въ Аулія-ата. Ему за пятьдесятъ лѣтъ, и онъ, благодаря лишь ограбленію его Байтыкомъ, *въ первый разъ съ женою* пріѣхалъ въ Аулія-ата и увидѣлъ, что такое хотя бы даже и сартовская *осѣдность*... А разграбившій его Байтыкъ тогда только что вернулся изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ депутатомъ къ Высочайшему двору въ числѣ прочихъ осѣдлыхъ и кочевыхъ представителей населенія нашей Средней Азіи. Вотъ и судите этихъ господъ, какъ вамъ угодно...

Второю причиною нескорого достиженія правительствомъ цѣлей, относительно нагорнаго края, я долженъ назвать постоянную пропаганду ислама, которую ведутъ въ горахъ, исключительно ради корысти, заѣзжіе изъ Кокана и другихъ городовъ ханства муллы и набираютъ въ каракиргизскихъ кочевьяхъ за свои молитвы много разнаго добра... Это цензуруетъ мистическія проповѣди этихъ эксплуататоровъ?...

А горы Алатавскія, съ ихъ дикими обитателями, богаты и неприступны, и наши крѣпости, вѣсто долины Таласа, Чоткала и Нарына, стоятъ пока въ долинѣ р. Чу...

IV.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО КОКАНА.

Дороги до Той-тюбе.—Курамъ.—Тилляу.—Горы Бендиръ-Диванъ.—Мулламиръ.—Козленокъ.—Коканскіе пикеты.—Семь городовъ.—Рѣка Сыръ-Дарья.—Курганъ.—Хлѣбъ-соль хана.—Почетная одежда.—Переправа.—Юродивый.—Летучій песокъ.—Каменная степь и сады.—Вайбута.—Новый подарокъ хана.—Неожиданное гостеприимство.—Найманчи.—Стѣны Кокана.

Въ Коканъ ѣздить или черезъ укрѣпленіе Тилляу, или черезъ городъ Ходжентъ. Мы должны были ѣхать черезъ Тилляу, а потому направились къ селенію Той-тюбе или Той-тепе. Это сартовская деревня въ четырехъ или въ пяти ташахъ отъ города Ташкента. Линейная мѣра *таша*, по словамъ однихъ, равняется восьми нашимъ верстамъ, по словамъ другихъ—1,000 шаговъ (*). Въ первомъ случаѣ, до Той-тюбе должно быть 32 версты или 40 верстъ, во второмъ, если принять шагъ за аршинъ, до Той-тюбе должна быть *одна съ чѣмъ-то верста*. Впрочемъ, нецѣлостность послѣдней цифры, да и всего вообще, что касается сартовской географіи, весьма наглядно объясняется тѣмъ, что, выѣхавъ изъ Ташкента въ 12 часовъ дня, я съ транспортомъ едва-едва достигъ Той-тепе къ 10 часамъ ночи... Но, помимо неточностей въ опредѣленіи сартовскихъ линейныхъ мѣръ, не нужно забывать свойства дороги. До р. Чирчика, верстахъ въ восьми до Ташкента, можно проѣхать сносно, хотя въ половодье Чирчикъ, играя самъ по себѣ, шутитъ съ проѣзжими подчасъ плохія шутки. Съ Чирчика начинаются испытанія... Я, объѣхавъ почти весь здѣшній край, никогда не видѣлъ ничего безобразнаго, въ буквальный, точный смыслъ этого слова, дороги отъ Чирчика до Той-тепе... Представьте себѣ сплошную, съ глубокими выбоинами, грязь по брюхо лошади, арыки съ берегами, изрытыми ногами животныхъ, съ мостиками, составныя части которыхъ (жерди, камышь и т. п. ничѣмъ несвязанныя) распозлились во всѣ стороны; представьте все это почти на каждомъ шагу, на разстояніи 30 сляшкомъ верстъ, и дорога до Той-тюбе предъ вами, если вы хоть отчасти знакомы съ характеромъ почвы и всѣхъ другихъ прелестей нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Я, съ командою, провожалъ багажъ миссіи въ Коканъ. Вьюки колыхались на спинахъ лошадей и увлекали ихъ въ бездны грязи... Транспортъ останавливался, поднимали лошадь, правили вьюкъ и шли далѣе... Черезъ двадцать сажень снова на-

(*) Ташъ значитъ камень.—Между Коканомъ и Ходжентомъ, на дорогѣ, лежатъ огромныя валуны, которыми и считаютъ туземцы разетонки.

деніе какаго-нибудь буцефала, снова мученія... Но какъ бы ни было, мы достигли Той-тепе. Въ деревнѣ этой за 100 дворовъ; на улицахъ почти всегда невылазная грязь, навозъ; все печально...

Мы въ Курамѣ.

Курамою зовется вся мѣстность на югъ отъ рѣки Чирчика (*) и до Ходжента, на востокъ до края Бандирь-Диванъ, о которомъ я буду говорить ниже, и на западъ до праваго берега Дарьи. Курамá частію покрыта зеленѣющими зимой и сухими въ жары холмами, частію гориста, наприимѣръ къ Ходженту. Населеніе ея состоитъ изъ киргизовъ, отличныхъ, впрочемъ, отъ всѣхъ прочихъ киргизовъ тѣмъ, что кураминцы живутъ почти осѣдло.

Давнымъ-давно когда-то, не знаю вслѣдствіе какихъ политическихъ или иныхъ обстоятельствъ, въ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ въ Средней Азій, которые, кажется, совсѣмъ необсѣдованы исторіей, да едва ли когда и будутъ ею тронуты, оборвыши со всѣхъ трехъ подвластныхъ намъ киргизскихъ ордъ, Большой, Средней и Малой, люди разныхъ поколѣній, отшатнулись отъ своихъ ауловъ въ эту мѣстность, и, будучи оборвышами, слѣдовательно не имѣя кибитокъ (юртъ), городили куры (дворы) и созидали подобіе кибитокъ изъ камыша, котораго въ этой мѣстности вообще много, или рыли землянки. Потомъ время, выработывая въ неизмѣнномъ теченіи своемъ лучшія начала жизни оборванцевъ, указало имъ все то, что могла дать природа мѣстности, въ томъ числѣ указала имъ и долину рѣки *Анрена*. Сарты окрестныхъ осѣдлыхъ пунктовъ Ташкента, Тилляу, Ходжента и горные таджики повліяли на нихъ внѣшней обстановкой, и условія быта кураминцевъ измѣнились. Кураминцы надѣли чапмы, начали строить кышлаки (зимовки) и постепенно превратились почти въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, доставляющихъ на базары Ташкента, Тилляу, Кереучи и Ходжента рисъ, клеверъ (люцерну), топливо (камышъ) и прочее, весьма немного. Частію кураминцы все-таки остались вѣрными своему прошлому и своимъ *курамъ*, и, заглядывая, мимоѣздомъ, въ юрты изъ камыша, я видѣлъ въ нихъ крайнее убожество, почти нищету, хотя у стѣнъ юрты и стоговъ рисовой соломы виднѣлись коровы, лошаденки и верблюды. Кураминцы непохожи на сартовъ, непохожи и на прочихъ киргизовъ, несмотря на то, что далекое прошлое ихъ весьма тѣсно связано съ тѣмъ народомъ, который мы зовемъ собственно киргизами-кочевниками. Это объясняется и подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что кураминцы, называя себя кураминцами (двор-

(*) Рѣка Чирчикъ идетъ изъ горъ Карагау и впадаетъ въ р. Сыръ-Дарью.

никами), причисляютъ себя, однако, къ тому или другому поколѣнію которой—либо изъ названныхъ выше трехъ ордъ, и, благодаря преданіямъ, не сбиваются въ своей генеалогіи.

На всѣхъ базарахъ Ташкента вы узнаете курамынца по черному, отъ копоти, лицу, по нагольной шубѣ желтаго цвѣта, и вообще по грязной наружности, верхомъ на верблюдѣ, навьюченномъ камышемъ, вѣшанна съ рисомъ и т. п. На вопросъ вашъ: «курама?» онъ, не повертывая головы, промолчитъ: «курама....»

Изъ Той-тале мы должны были слѣдовать на укрѣпленіе *Тилляу*. До Тилляу туземцы считаютъ семь ташей или 56 верстъ.

Вся эта мѣстность холмиста; горы, а именно край *Кендирь-Дивань*, идутъ далеко влѣво дугою съ сѣвера на югъ, черня ущельями. Черезъ одно изъ нихъ течетъ рѣка Ангренъ (*)—золотое дно Буранъ, потому что долина этой рѣки почти вся занята рисовыми плантаціями, и съ холмовъ праваго берега рѣки, на которой мы выѣхали, чтобы потомъ спуститься въ долину, она представлялась, и направо, и налѣво, до послѣднихъ предѣловъ кругозора, вся сплошь въ плантаціяхъ разныхъ формъ и величинъ. Мѣстами онѣ были затоплены, что составляетъ необходимое условіе подготовки земли подъ рисъ. Видъ открылся хорошій.

Мы спустились въ долину и скоро достигли Тилляу. Въ селеніи этомъ 150 дворовъ. Русская крѣпость, въ сущности оборонительная казарма, обнесенная отчасти рвомъ и валомъ, находится въ сторонѣ, впрочемъ недалеко. При коканцахъ тутъ была урда, т. е. цитадель, гдѣ жили беки.

Лѣсу въ этихъ мѣстахъ вообще немного. Онъ, какъ и всюду въ Средней Азій, присущъ лишь пунктамъ осѣдлымъ, а потому и около русскаго укрѣпленія, построеннаго на мѣстѣ коканскаго, не вдалекѣ есть остатки нѣкогда роскошнаго, но разсказамъ туземцевъ, сада одного изъ тилляускихъ бековъ.

Тилляу—пунктъ пограничный съ коканскимъ ханствомъ. Съ Тилляу горы вступаютъ въ свои права, и въяки мои, сваливаясь по временамъ, начали чаще обращать на себя вниманіе. Стало холодиѣе. Мы подходили къ краю Кендирь-Диванъ, покрытому снѣгомъ. Впередѣ было ущелье Кезангъ-Бузаръ; до него отъ Тилляу будто-бы 24 версты; тутъ начинается подъемъ на край Кендирь-Диванъ и тутъ же проходитъ будто-бы граница съ ханствомъ.

(*) Рѣка Ангренъ, по мѣстному Ангуранъ, направляется въ Смыръ-Дарью. Впрочемъ, въ пору созрѣванія риса она не доходитъ до р. Дарьи, распространяясь по своей долинѣ на плантаціи. Наибольшая ширина долины 8 верстъ.

Бряжъ Кендирь-Диванъ составляетъ продолженіе того отрога горъ Баратау, который проходитъ въ виду Ташмента. Снѣгъ на этихъ горахъ бываетъ только зимою; съ осени, иногда и по зимѣ, на нихъ стоитъ гололедица, и дороги—если только можно назвать дорогами узкія тропинки мѣстами надъ страшными обрывами—бываютъ весьма опасны. На наше счастье, хребтъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ. Подъемъ начался съ ущелья *Казань-Бузаръ*, весьма узкаго, въ гору, съ отвѣсными гранитными боками. Казань-бузаръ въ переводѣ значитъ *котлы разобьемы*, намекаъ, какъ я слышалъ отъ туземцевъ, на то, что, если бы пошелъ по ущелью верблюды, навьюченный чугунными котлами, то, качаясь, разбилъ бы ихъ идѣ-нибудь о гранитныя стѣны этого коридора, чему, правда, немало помочь бы и ручей, прикрытый мѣстами крошечными плоскими мостиками, съ продавленной настилкой. Мнѣ досталось въ этомъ ущельѣ съ моими вьюками.... За Казань-Бузаромъ дорога пошла въ гору все выше, и выше, по глубокому снѣгу, приближалась къ подножію громаднаго снѣгаго конуса и, цѣпляясь за его бока зигзагомъ, то вправо, то влево, выступила на вершину. Это гора Кендирь-Диванъ. На ней стоялъ небольшой конный караванъ, ожидавшій когда мой транспортъ уступитъ ему тропинку для спуска. И онъ спустился потомъ съ горы, и всѣ видѣли, какъ лошади были увлекаемы вьюками впередъ, ныряли въ снѣгъ по плечи, поднимались, вздымая бѣлую пыль, и тянулись далѣе.

Съ Кендирь-Дивана открывается изрядный видъ на горы и даже частію на долину Ангрена. Зоркіе люди говорили, что видать даже Тилляу по снѣжному лѣсу, но я не видѣлъ ничего, кромѣ тумана надъ долиной Ангрена, красноватыхъ вершинъ пройденныхъ нами предгорій и снѣга, казалось, безконечнаго снѣга горъ, сливавшихся на востокъ съ твердью и съ тучами, плывшими тамъ и сямъ ниже насъ или вровень съ нами.

Скаты горъ и овраги мѣстами поросли рѣдкимъ своеобразнымъ лѣсомъ; но я плохой ботаникъ; я знаю лишь, что туземцы (таджики) называютъ эти, по большей части, одиноко, хотя и не въ далекомъ одно отъ другаго разстояніи, растущія деревья, *арча*, что они плотны, крѣпки, весьма нескоро поддаются гніенію, что таджики употребляютъ ихъ на постройки и на все въ своемъ домашнемъ обиходѣ, а поклонники Ламы и Будды курятъ листовому арча въ кумирняхъ.

Спускъ съ Кендирь-Дивана по снѣгу шелъ версты три. Дорога была шире и изъ снѣжной перешла снова въ каменистую; спуски и

поѣзды стали мельчать. До заката мы достигли селенія *Мулламиръ*, ко котораго отъ Тилляу считаютъ 7 ташей.

Мулламиръ—таджикское селеніе въ 30—40 дворовъ, расположенное на обрывѣ, весьма бѣдно и живетъ кое-какъ земледѣльемъ, удобряя каменистую почву навозомъ.

Квартіры мисіи оказались весьма незамысловатыми. Напримѣръ, подъ транспорты и лошадей былъ отведенъ громадный сарай, въ первомъ отдѣленіи котораго помѣстились казаки и джигиты, во второмъ лошади, а въ третьемъ нѣкоторые члены посольства. Оба посланника (кокандскій посланникъ, Сарымсакъ—ходжа (*), бывшій въ Ташкентѣ, сопровождалъ мисію до Бокана) имѣли особую, немногимъ приличнѣе нашей, квартиру. Выходъ изъ сарая былъ одинъ; печей и трубъ, кромѣ небольшихъ отверстій въ потолкѣ, не было и въ поминѣ, и дымъ отъ костра, разложеннаго казаками и джигитами, также и газъ отъ жаровни въ нашемъ помѣщеніи, доставили намъ немало удовольствія.... Между тѣмъ, было холодно. Но усталость всегда беретъ свое: мы спасли крѣпко.

На зарѣ слѣдующаго дня, когда, навьючивъ на лошадей транспортъ, я грѣлся у костра, ко мнѣ подошелъ джигитъ Бердыкулъ, подаль шесть кокановъ (двугривенныхъ) и сказалъ:

— Бокандскій посланникъ приказалъ мнѣ отдать вамъ эти деньги и просить васъ и команду вашу не покупать ничего, а требовать все, что вамъ будетъ нужно, отъ него.... Онъ очень сердится на того, кто вчера продалъ вамъ козленка.... Онъ говоритъ, что вы гости хана....

Это очень любезно, подумалъ я, и волей-неволей положилъ коканы въ карманъ.

Наканунъ я, дѣйствительно, купилъ козленка, котораго мы и съѣли съ казаками и джигитами. Я не знаю, какъ дошло это до посланника, только съ Мулламира мы и кони наши поступили на иждивеніе хана. Я и не подозревалъ подобной щекотливости гостепріимства его высокостепенства, хотя наканунѣ получилъ отъ казначея Сарымсака—ходжи на команду мяса, а на лошадей клеверъ и ячмень, и Сарымсакъ—ходжа, человѣкъ неглупый и добрый, проѣзжая въ это утро мимо транспорта, дружжелюбно попрернулъ меня козленкомъ.

За Мулламиромъ, въ оврагѣ *Кужбиль*, переложенномъ поперекъ невысокой стѣной изъ булыжника, стоитъ кокандскій пиветь: савля

(*) *Ходжа* вышнее сословіе, потомки Али, зятя Магомеда. *Хаджи* всѣ, кто слодитъ въ Мекку на поклоненіе гробу Магомеда.

и навѣсомъ. Въ отворенныя двери я видѣлъ двѣ-три чалмы; длинныя фитильныя ружья стояли рядомъ снаружи у стѣны сакля. Говорить, блюстители порядка сами первые обижать подчасъ проезжихъ, которыми по этой дорогѣ никакъ нельзя мѣшкать и къ Аговешица. Въ этомъ-же оврагѣ насъ встрѣтилъ казанскій разъѣздъ въ 5—6 всадниковъ въ панциряхъ и съ ружьями, и проводилъ до селенія *Бодарханъ*, находящагося въ 8 верстахъ. Въ Бодарханѣ 100 дворовъ; жители таджики. Вѣтво отъ Бодархана, въ 4 верстахъ, между горъ, стоитъ городокъ *Нимазъ*, въ 1000 дворовъ; за Бодарханомъ, въ одной верстѣ, на пути нашихъ попадаетея вышланъ *Куруль* въ 100 дворовъ, затѣмъ городокъ *Шайданъ* въ 500 дворовъ. Здѣсь штабъ-квартира тѣхъ 500 конныхъ сарбазовъ, которые разбросаны въ этой мѣстности по селеніямъ и пикетамъ. Проезжая по улицамъ Шайдана, мы видѣли въ одномъ мѣстѣ человекъ десять конныхъ сарбазовъ, стоявшихъ неподвижно рядомъ, съ ружьями въ рукахъ.... Я доселѣ не знаю, что это означало. Въ Шайданѣ ирицный базаръ.

Вѣтво отъ Шайдана, въ горахъ-же, на 16 верстѣ разстоянія, лежитъ селеніе *Курумсаранъ*, въ 300 дворовъ; въ 4 верстахъ вышланъ *Кудашъ*, въ 40 дворовъ, и въ 12 верстахъ городокъ *Ашиъ*, въ 1,000 дворовъ; вправо къ Дарьѣ, въ 16 верстахъ, находится укрѣпленіе *Камышъ-Курганъ*, въ 8 верстахъ отъ котораго лежитъ извѣстный *Соръ-Куль*, солончакъ, снабжающій солью и ханство и сосѣдей кругомъ на далекое разстояніе. Собственно солянаго самосадочнаго озера съ растворомъ, или тузлукемъ, близъ Камышъ-Кургана, говорятъ, нѣтъ. Соль вывѣтривается и промывается изъ солончана (соръ), вслѣдствіе чего и не обладаетъ должными качествами: она желта и горьковата.

Всѣ названныя мною городки, селенія и вышланки имѣютъ одну общую кличку—*Иты-кентъ* «семь городовъ», и всѣ они, судя по тѣмъ, которые мы проходили, должны быть очаровательно лѣтныя, потому что расположены въ скалистыхъ ущельяхъ, среди садовъ, по быстрымъ и прозрачнымъ горнымъ ручьямъ.

Отъ Шайдана мы шли каменистыми горами еще восемь верстъ, и выбрались потомъ на ровную каменистую же и необозримую на право и навѣво степь. Рѣка Сыръ-Дарья едва бѣлѣла впереди. До нея оставалось двѣнадцать верстъ. Растительности на пути нашихъ не было почти никакой; только одно одинокое дерево, помню, стояло вѣтво отъ дороги. Кажется, это была тоже *арча*.

По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, каменникъ началъ сглаживаться, такъ что къ *Кургану* (постоялому двору) на берегу рѣки, гдѣ нахо-

дятся переправа, мы подъѣхали по песку. Мѣстность эта зовется Чильмайрамъ, по имени могилы мусульманскаго святаго, находящейся на противоположномъ берегу, на высококомъ—высокомъ цилиндрическомъ, въ родѣ башни, песчано-глинистомъ курганѣ.

Опять курганъ.... Но здѣсь слово это употреблено мною уже совершенно въ иномъ смыслѣ: на востокѣ степной полосы Европейской Россіи и на Кавказѣ *курганомъ* зовется *холмъ*, или малороссійская *могила*, киргизское *тюбѣ*, и сартовское *тедѣ*. Впрочемъ, слово *курганъ*, въ смыслѣ возвышенности, встрѣчается и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ оно является слѣдомъ татарскаго *ига*, какъ и слова: башмакъ (давить), деньги (тенге), алтынъ (золото) и т. п., не исключая и многихъ названій городовъ, рѣчекъ и проч.

Въ здѣшнихъ краяхъ слово *курганъ* или *курганча* значитъ крѣпость, также дворъ, обнесенный глиняной стѣной, съ навѣсами или безъ навѣсовъ вокругъ, съ саклями или безъ нихъ. Подобныхъ кургановъ весьма много по всѣмъ дорогамъ Средней Азійи и даже въ горахъ. Въ курганахъ укрываются ночью путники и караваны; въ курганахъ сохраняютъ скотъ; въ курганахъ, въ бывшее время, защищались отъ непріятеля, что, впрочемъ, чаще бывало въ горахъ, у каракиргизовъ, когда родъ шелъ на родъ барантой. Кургановъ много въ Алатавскихъ горахъ, но пригороднымъ садамъ и по всѣмъ вообще дорогамъ. Курганы среди степи напоминаютъ наши одинокіе хутора нахарей или скотоводовъ.

Курганъ, въ которомъ помѣстилась мисія для ночлега, съ двухъ сторонъ обнесенъ былъ саклями и съ двухъ навѣсами. Первыя заняла мисія, вторія лошади. Сакли были дыривы и весьма грязны; навѣсы сравнительно лучше саклей.

Я развьючивалъ транспортъ, когда на дворъ вѣхала толпа сартовъ. Это былъ бекъ Маназаръ со свитою, прибывшій изъ Кокана привѣтствовать мисію. Онъ привезъ также *дастарханъ*, т. е. хлѣбъ-соль отъ хана. И въ самомъ дѣлѣ, когда, сложивъ вьюки и поставивъ часоваго, я пошелъ въ саклю нашего посланника и расположился тамъ около *санусжи*, въ дверяхъ показалось лицо Сарымсака-ходжи и послышалось слово: «дастарханъ!...»

Посланникъ нашъ всталъ и вышелъ изъ сакли принять *дастарханъ*; я остался въ саклѣ и окрестъ двери слышалъ, какъ посланникъ благодарилъ хана за *дастарханъ*; потомъ онъ вошелъ въ саклю и, слѣдомъ за нимъ, гусьномъ начали входить слуги бека Маназара и Сарымсака-ходжи съ подносами, наложенными фисташками, гра-

натами, миндалемъ, урюкомъ (сушеные персики), кишмишемъ (сушеный виноградъ) разныхъ сортовъ, свѣжимъ виноградомъ, леденцомъ, сартовскими конфетами изъ муки, сахара и масла, хлѣбомъ, въ видѣ лепешекъ сдобныхъ и прѣсныхъ, колотымъ сахаромъ и сахаромъ въ головкахъ.

Я не ѣдалъ пока среднеазиатскихъ фруктовъ лучше присланныхъ ханомъ, какъ въ этотъ разъ, такъ и послѣ во все время пребыванія мисіи за-границей.

Подносы разставили на полу передъ посланникомъ, и мисія занялась дастарханомъ.

— Ваше благородіе, сказалъ вошедшій въ саклю казакъ, васъ требуетъ коканскій посланникъ.

Я вышелъ вслѣдъ за казакомъ и близъ двери встрѣтилъ Сарымсака-ходжу; за нимъ стояли слуги съ подносами.

— Это твои сарбазамъ (т. е. казакамъ) и джигитамъ (т. е. милиціонерамъ), сказалъ Сарымсакъ-ходжа, указывая на подносы; прикажи принять....

— Пусть будетъ доволенъ ханомъ Богъ и пошлетъ ему великое счастье! отвѣтилъ я и кивнулъ вахистра. Казаки и джигиты благодарили за дастарханъ въ тѣхъ же выраженіяхъ. Сарымсакъ-ходжа и свита его были очень довольны.... За немнѣніемъ посуды, казаки ссыпали лакомства безразлично въ овсяныя торбы и частію въ глиняный *азуръ* (ясли), подъ навѣсомъ. Они провалили кладъ своей *лавочкой*....

Вечеромъ, члены мисіи были приглашены въ саклю Сарымсака-ходжи, гдѣ пили чай, получили *сердѣ*, т. е. почетную одежду, разумѣется, въ видѣ халатовъ, до безконечности любимыхъ азіятцами вообще и сартами въ особенности. Халаты, данные намъ въ этотъ разъ, были изъ полущелковой матеріи *адрес* или *адрасъ*, и, возвращаясь изъ сакли коканскаго посланника, я слышалъ отъ попадавшихся мнѣ на встрѣчу мусульманъ поздравленія и пожеланія счастья въ новой почетной одеждѣ.

На этомъ ночлегѣ конямъ нашимъ, вмѣсто ячменя, котораго въ здѣшнихъ мѣстахъ не сѣять, отпустили *джугары*, нѣчто въ родѣ кукурузы. Лошади ѣли джугару плохо, потому, будто-бы, по словамъ однихъ, что не привыкли къ этому роду хлѣба, а по словамъ другихъ потому, что въ джугарѣ было много песку и мелкихъ—мелкихъ голышей (по казачьи галекъ), которые, играя на зубу, конечно, оттакаивали животныхъ отъ джугары. Впрочемъ, каждое изъ высказанныхъ мнѣній имѣетъ свою долю правды....

Въ Чильмайрамѣ транспортъ былъ сложенъ на четыре двухколесныя арбы, нанятыя заранѣе съ лѣваго берега Дарьи. Не разгружая, ихъ ставили на какое-то подобіе нашихъ досчаниковъ и на шестахъ переправили въ два раза на противоположный берегъ. На счастье наше, рѣка была неподвижна, хотя на зарѣ я былъ разбуженъ сильнымъ шумомъ вѣтра и, зная удобства переправы, задавъ себѣ вопросъ о возможности или невозможности быть въ этотъ день на другомъ берегу. Вообще, переправа у Чильмайрама неудобна, потому что нагрузка и выгрузка весьма затруднительны по отсутствію сходней, особенно на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ лошади, побуждаемыя нагайками, волей-неволей должны были прыгать за бортъ досчаниковъ въ воду поколѣно, такъ какъ къ самому берегу досчаники не подходятъ. Тѣмъ не менѣе все кончилось благополучно: ноги животныхъ остались цѣлы.

Нашъ посланникъ выразилъ—было желаніе наградить паромщиковъ за труды, но Сарымсакъ-ходжа отвѣтилъ на это отказомъ, потому-де, что *«люди и лодки принадлежатъ хану....»* Стороною я слышалъ, что за переправу у Чильмайрама ханъ получаетъ съ контрагента 1,000 тилей, т. е. 3,800 руб. въ годъ.

Проѣхавъ версту отъ парома, мы встрѣтили *дуана* (юродиваго). Онъ живетъ и зиму и лѣто на курганѣ, въ памятникѣ надъ могилой святаго, живетъ подаеніемъ. Впрочемъ, деньги онъ не беретъ, и весьма разумно: на нихъ тутъ ничего не купишь, а беретъ лишь хлѣбъ. Глупою и жалкою наружностію своею онъ невольно привлекаетъ на себя вниманіе; ему хотѣли дать денегъ, но кто-то сказалъ, что это лишнее. Дуана глупо хохоталъ. Я проѣхалъ мимо его своей дорогой далѣе, и, случайно повернувшись на сѣдлѣ на новый взрывъ хохота сумасшедшаго, замѣтилъ, что конанскій посланникъ, ѣхавшій впереди, стоитъ около дуана и, нагнувшись съ сѣдла на правую сторону, что-то съ нимъ говорить.... Дуана уже не смѣялся. Я въ раздумьѣ до сихъ поръ, какъ Сарымсакъ-ходжа успѣлъ отстать и что могло быть общаго между дипломатомъ и юродивымъ? Жилище дуана вышло вълѣво отъ насъ въ полуверстѣ. Дорога пошла частію по песку, частію по суглинку. На пути попадались горы песку, кочующаго въ этой мѣстности туда и сюда, по волѣ вѣтровъ.

Не представляя особенно-страшнаго явленія, эти тучи песку все таки серьезны на столько, что мѣстность, на сѣверъ отъ могилы Чильмайрама, гдѣ мы переправились черезъ Дарью, и на югъ до кышлака Улутъ-Диканъ-туда (на пути нашемъ), въ 10—12 верстахъ отъ переправы, и отъ могилы же Чильмайрама на востокъ, на 16

версть до кургана (постоялаго двора), на переправѣ противъ урочища *Алджаръ* (*), подвержена разнымъ случайностямъ отъ летучаго песку. Отъ, съ помощію вѣтровъ, замѣчательныхъ въ этой мѣстности по ихъ силѣ, испытанной нами на себѣ, заваливаются иригаціонныя каналы, плантаціи и даже выгоняетъ населеніе изъ деревень. По словамъ туземцевъ, деревни, или кышлаки, Улугъ-дижанъ-туда и сосѣдній Вичигъ-дижанъ-туда, лѣтъ пять тому назадъ, составляли одинъ кышлакъ, разбитый на два несчаными ураганомъ, который, постояннымъ напоромъ на известный околѣдокъ саклей, выгналъ ихъ обитателей и раздѣлялъ кышлакъ на два: большой и малый Дижанъ-туда. Площадь урагана можно приблизительно опредѣлить въ 200 квадратныхъ верстѣ.

Отъ переправы до слѣдующаго ночлега нашего, кышлака *Вайбута*, считаютъ четыре таша (32 версты). Транспортъ былъ на арбахъ и на мою долю выпала колесная дорога степью. Прямо въ лицо дулъ сильный холодный вѣтеръ, такъ что даже лошади воротили порою на сторону морды; арбы шли тихо. Миновавъ кышлаки Дижанъ-туда, мы вышли на голую каменистую высокую степь и шли окраиной ея версть десять. Вправо, т. е. на западъ, въ виду нашемъ, на всеи протяженіи степи, къ ней пригнули кышлаки, плантаціи и множество лѣсу; влево пропадала въ пространствѣ выпуклая, сплошь покрытая крупными глыбами степь.... Воображаю, какой оригинальный и пріятный контрастъ представляетъ эта мѣстность лѣтомъ, въ зной, когда по степи нельзя пройти бесому человѣку, а рядомъ въ тѣни садовъ журчатъ арки.... Мы встрѣтили на каменной дорогѣ нѣсколько топихъ, надобно думать заблудившихся, коровъ и телятъ, которыя ѣли—буквально ѣли—цѣлкомъ конскій пометъ.... Говорятъ, что зимой и осенью тутъ вообще голодно, а кормить скоть клеверомъ, или даже соломою, средствъ, конечно, достаетъ не у всѣхъ. Это ясно и по наружности кышлаковъ, обстроенныхъ, по большей части, бѣдно, уныло. Развѣ только лѣтомъ, когда полуденное солнце выводитъ землю на деревья и плантаціи, и когда печальное населеніе, бросивъ закопѣлыя, дымяныя сакли, выйдетъ въ поле добывать хлѣбъ свой въ потѣ лица, кышлаки эти можно назвать красивыми уголками. Впрочемъ только красивыми... Народъ во всеи ханствѣ угнетенъ; право собственности существуетъ для него номинально; производъ администра-

(*) Противъ Алджара Дарью можно перейти въ бродъ. Впрочемъ, удобно это будго-бы только осенью и зимой, а весной, понятно, рѣка дѣлается полнѣе отъ горныхъ снѣговъ, и ее съ трудомъ переезжаютъ лашъ на верблюдахъ.

ции, отъ послѣдняго айсакана до бека, но нѣтъ границъ; правительство слабо и тушо.... Но ѣдемъ далѣе.

Я не могу назвать поименно тѣ кышлаки, черезъ которые мы прошли въ этотъ день и достигли ночлега, кышака *Байбута*. Онъ населеннѣе и богаче другихъ. Мисію помѣстили въ домъ одного изъ замѣчательныхъ обывателей; на томъ же дворѣ остановился и коканскій посланникъ, Сармысакъ-ходжа.

По обязанности, я наблюдалъ за командой, разгрузившей ярбы, когда услышалъ свое имя.... Я оглянулся и увидѣлъ Сармысаку-ходжу. Онъ стоялъ у двери своего помѣщенія и манялъ меня къ себѣ.

— Что прикажете? спросилъ я, подходи я ничто не подозревая.

Сармысакъ, быстро и молча, хотя и съ доброй улыбкой, сорвалъ съ меня лѣвой рукой фуражку, правой же изъ-за борта халата, не просту изъ-за пазухи, вытащилъ шитую шелкомъ *тюпи* (мурмежу) и началъ нацѣплять ее на мою голову, не взирая на нѣкоторые неудобства этой операціи: тюпи была мала и волосамъ моимъ досталось.... Сармысакъ-ходжа продолжалъ добродушно улыбаться и, удивившись, что тюпи вполнѣ обхватила, такъ сказать, мою голову, объявилъ мнѣ, что ханъ прислалъ тюпи всѣмъ членамъ мисіи и желаетъ, чтобы мы носили тюпи.... Я, въ тѣхъ же выраженіяхъ, благодарилъ его высокостепенство за подарокъ, едва стацилъ его съ головы и, встрепенувшись, доложилъ почтеннѣйшему Сармысаку-ходжѣ, что въ данную минуту щеголять въ тюпи я не могу, потому что занятъ моими обязанностями, но что не премину воспользоваться этимъ прекраснымъ головнымъ уборомъ при первомъ удобномъ случаѣ, какъ пользовался-де и сегодня въ пути, въ непогоду, почетнымъ халатомъ хана. Затѣмъ я спряталъ шлыкъ въ карманъ.

Я нашелъ членовъ мисіи, въ ихъ помѣщеніи, съ тюпи на головахъ и въ халатахъ; на полу стоялъ обильный дастарханъ.

На утро, 24-го декабря 1867 года, мы отправились, непосредственно, въ г. Коканъ, до котораго отъ Байбута всего восемь верстъ. Вѣтеръ бушевалъ съ прежнею силою; дорога шла частью солончатыми, частью черезъ аракъ и ручьи, выступившіе на береговъ и разлившіеся кругомъ. Окрестности полны кышлаками и лѣсомъ. Въ одномъ изъ попутныхъ кышлаковъ, айсаканъ остановилъ транспортъ, пригласилъ меня въ саблю, любезно усадилъ у огня и напоилъ чаемъ. Я немало дивился и радовался такому дружелюбію, тѣмъ болѣе, что насъ почти на каждомъ шагѣ народъ бранилъ въ

глаза и за-глава въ самыхъ непечатныхъ временахъ. Въ этой же савлѣ, бѣдно одѣтый, но скромный и благоразумный сартъ бросилъ на огонь передъ мною горсть какой-то душистой травы. Я зналъ этотъ обихай мусульманъ, выражающій привѣтствіе путешественнику отъ человѣка небольшого, темнаго. Я даже бѣдняку нѣсколько кокановъ и послѣдилъ догнать транспортъ, подходившій уже къ кышлаку *Найманчи*, въ трехъ верстахъ отъ города. Тутъ я нашелъ членовъ мисіи. Они сидѣли у огня въ дынной савлѣ и ждали Сарымсака-ходжу, который уѣхалъ впередъ, будто бы за разрѣшеніемъ его высочайшаго хана въѣхать мисіи въ городъ.... Неизбѣжный дастарханъ покрывалъ полъ савли.

Сарымсагъ-ходжа вернулся черезъ часъ; съ нимъ пріѣхалъ нѣкто Сарымсагъ-датха (*). Ханъ выслалъ его привѣтствовать мисію; потому онъ былъ нашимъ приставомъ. Въ кышлакѣ Найманчи всего сто дворовъ; мы миновали его скоро. Предъ нами открылась голая равнина версты на полторы, и мы увидѣли ворота *Газакельк*, или *Чильмайрам*, и стѣны Кокана.

V.

ОТЪ КОКАНА ДО ХОДЖЕНТА.

Кышлаки.—Ходжентъ.—Опять Курама.

Свѣдѣнія о городѣ Коканѣ и о Коканскомъ ханствѣ будутъ сообщены мною особо. Здѣсь же представляю лишь краткія замѣтки объ обратномъ пути мисіи изъ Кокана.

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Коканѣ, мисіи наша была выпровожена изъ города по дорогѣ на Ходжентъ, въ тѣ же ворота, въ которыя въѣхала.

Отъ Кокана до Ходжента пролегаетъ отличная колесная дорога по весьма оживленной мѣстности. Дорога идетъ черезъ кышлакъ *Бишарык*, потомъ черезъ небольшой, но извѣстный по обилію фруктовыхъ садовъ, городокъ *Канибадамъ*, что значитъ *мною миндала*; далѣе черезъ большой кышлакъ *Каракчи-кумъ* (воровской песокъ). Мѣстность тутъ, дѣйствительно, песчаная, и близъ кышлака высятся остатки огромныхъ нѣкогда крѣпостныхъ стѣнъ. Изъ Каракчи-кума ѣдутъ прямо въ Ходжентъ.

Ходжентъ принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ русской Средней Азии, по своему положенію на большомъ торговомъ пути изъ

(*) Датха—звание равное нашему полковнику.

Бухары въ Боканъ и Баштаръ. Въ Ходжентъ довольно фабрикъ шелковыхъ тканей, которыя въ другихъ нашихъ средне-азиатскихъ городахъ не выдѣлываются. Въ Ходжентъ хорошо развито шелководство. Цитадель замѣчательна по своей неприступности. Есть весьма красивое русское поселеніе и хорошій базаръ. Здѣсь же перенаправляются на правый берегъ Сыра, гдѣ, съ одной стороны, открываются живописный видъ на городъ, а съ другой высятся горы *Бурамы*, и по казачьимъ пикетамъ, черезъ развалины кочанской крѣпости Керучи и кышлака куранинцевъ, вы достигаете Той-топе.

VI.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО САМАРКАНДА.

Зангата.—Старый Ташкентъ.—Чиназъ.—Переправа черезъ р. Сыръ.—Предмостное укрѣпленіе.—Голодная стѣна.—Мирзарабатъ.—Бартана стѣны.—Дизахъ.—Джи ланута.—Горы Нуратанъ-тау.—Яны-Курганъ.—Долина Заравшана.

Изъ Ташкента въ Самаркандъ два пути: черезъ Чиназъ и Ходжентъ. Первый короче, но утомительнѣе, потому что проходить по голодной стѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, путь этотъ предпочитается. Здѣсь мы и поѣдемъ.

До Чиназа (на р. Сыръ-Дарьѣ) дорога очень оживлена и даже живописна. Она идетъ вдоль рѣки Чирчика, по обработанной мѣстности. На пути встрѣчаются или кочевья киргизовъ, или кышлаки (деревни) сартовъ. Изъ нихъ кышлакъ *Замата* посѣщается жителями Ташкента лѣтомъ, во время годоваго праздника курбанъ-антъ. Тогда ташкентцы, и старый и малый, спѣшаютъ въ Зангату и въ тѣни его садовъ и рошъ распиваютъ чай, любуются плясками бача (шлясуна) и т. п. Сарты, въ этомъ отношеніи, похожи на русскій народъ, который тоже, какъ извѣстно, имѣетъ обыкновеніе праздновать нѣкоторые праздники въ полѣ, въ рошѣ или просто на могилкахъ. Мусульмане всѣ свои большіе праздники отправляютъ непременно, если не за городомъ, то въ одномъ изъ садовъ внутри города. Такъ, напримѣръ, въ праздникъ руза-антъ ташкентцы веселятся въ саду Шайханъ-тауръ, который находится внутри города, и очень недалеко отъ русскаго квартала, а праздникъ курбанъ-антъ проводятъ въ садахъ Зангата, съ которыми соединены какія-то священные преданія.

Въ окрестностяхъ станціи *Старый Ташкентъ* (по-сартовски «Иски-Ташкентъ») былъ когда-то, по преданіямъ туземцевъ, большой городъ, перенесенный, по причинѣ какихъ-то неудобствъ, на

мѣсто настоящаго расположенія Ташкента. Впрочемъ, преданія о сѣрѣ обывальны, хотя близъ дороги въ *Старый Чиназъ* («*Москва-Чиназъ*») видны нѣкѣ-то голыя возвышенности, называемыя туземцами мѣстоу стараго города Ташкента.

Воинское укрѣпленіе *Чиназа* занято и укреждено въ 1865 году. Стѣны цитадели и небольшой поселокъ съ базаромъ остался въ нѣхъ первобытному виду, съ тою лишь разницею, что, съ построениемъ на пять верстъ южнѣе, на берегу р. Сыра, русскаго форта и слободки, кованскія сооруженія получили названіе *Старое Чиназа*.

Новый Чиназъ принадлежитъ къ числу значительныхъ русскихъ осѣдлостей здѣшняго края. Тамъ не менѣе, Чиназъ, пока еще въ будущемъ, хотя и теперь недлиненъ значенія, какъ мѣсто переправы черезъ р. Сыръ въ наши задарьянскія провинціи. Кроме того, Чиназъ снабжаетъ Ташкентъ рыбою, а нецѣ-часъ и ипрюю. Впрочемъ, рыбный промыселъ не достигъ еще надлежащихъ размѣровъ по незначительности населенія вообще, и въ особенности населенія способнаго владѣть рыболовными снастями.

Переправа черезъ Сыръ находится у самой крѣпости. Желѣзныи наремъ, или *баркасъ*, на которомъ обыкновенно переправляются, и удобенъ и спокоенъ въ какую угодно погоду. Правда, онъ ходитъ очень медленно, но противъ этого ничего не подѣлаешь....

Рѣка наусупротивъ Чиназа очень широка. Среди ея высятся два острова. Спустившись къ восточному острову, баркасъ идетъ вдоль его бичевою противъ теченія, и потомъ снова спускается по рѣкѣ къ *предмостному укрѣпленію*. Оно построено при генералѣ Черняевѣ и состоитъ изъ рва, вала и нѣсколькихъ земляноу. Здѣсь всегда есть небольшой карауль близъ склада камыша, заготовляемаго на топливо.

И такъ, вы на лѣвомъ берегу р. Сыра, на окраинѣ *солончосей степи*, которая не замедляетъ вступить въ свои права, лишь только путешественникъ отъѣдетъ отъ предмостнаго укрѣпленія нѣсколько верстъ, т. е. когда кончатся прибрежныя камыши. Да, за ними раскинется ширь и гладь почти на 150 верстъ, до города Диваха.

Но голодной степи отъ Чиназа къ Диваху *дала дорожку*; обѣ онѣ и длинны, и утомительны своимъ однообразіемъ. Онѣ расходятся отъ предмостнаго укрѣпленія и соединяются на поковникѣ пути къ Диваху, на Мирзарабатѣ. Это огромное каменное зданіе, похожее издали на театръ, построено вышѣтъ съ тѣми кистернами, которыя встрѣчаются въ этой мѣстности, болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, при эмирѣ Абдулла-хатѣ. *Мирза* значитъ писарь, а слово *рабати* по-

стройка, имѣющая considerable значеніе быть пристанищемъ путешественнѣ. «Работы» строились или правительствомъ, или частными лицами, но обѣимъ, и носятъ иногда имя. Неприхвѣрь, первая станція отъ Чинкента къ Ташкенту называется *Бель-мербеги*, потому что ташкентскій правитель Бель-мербеги построилъ тутъ, по обѣщанію, *работы*, въ которомъ теперь помѣщаются казначейство и почтовая станція.

Мирзарабатъ построенъ, конечно, какъ пристанище путешественнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣлъ когда-то и другое назначеніе. По темнымъ преданіямъ края, теперешняя голодная степь была когда-то, въ особенности по южной окраинѣ своей, хорошо орошена и обработана. Она питала въ ту пору много скота и производила хлѣбъ, такъ что администрація нелишнимъ находила высылать въ степь своихъ агентовъ, въ лицѣ сборщиковъ податей, которые, будто-бы жили и писали, что имъ было нужно, въ Мирзарабатѣ.

Таковы преданія о Мирзарабатѣ. Пытливые и ученые люди добьются точныхъ извѣстій о немъ сами.

Въ недалекомъ прошломъ, Мирзарабатъ служилъ притономъ шаикамъ баранчачей. Около Мирзарабата взяли мнѣ въ плѣнъ покойный поручикъ Служенко. Бонные почтари-киргизы, слѣдуя изъ Диваха, стараются миновать Мирзарабатъ, опасаясь неприятныхъ встрѣчъ съ звѣроподобными рыцарями степи, и значительно уклоняются степью вправо отъ прямой математической линіи, которая соединяетъ Мирзарабатъ съ предместнымъ укрѣпленіемъ.

Для большей послѣдовательности въ описаніи, вернемся назадъ и прослѣдимъ обѣ дороги отъ переправы къ Мирзарабату.

Лѣвая дорога идетъ сначала камышами, потомъ голыя степью. На ней есть нѣсколько колодезь съ дурною водою.

Правая дорога упирается въ озеро Бу-Яншикуль, въ 12 верстахъ отъ предместнаго укрѣпленія, и имѣетъ на пути своемъ нѣсколько плохихъ колодезь и сухую цистерну временъ Абдулла-хана.

По той и по другой дорогѣ Мирзарабата достигаютъ въ одинъ день.

Съ Мирзарабата, также въ одинъ день, доѣзжаютъ до города Диваха. На половинѣ этой дороги есть цистерна, въ которой иногда бываетъ вода. Здѣсь окрестности носятъ на себѣ слѣды ирригаціи; вправо и влево начинають очерчиваться горы... Значитъ, недалеко городъ Дивахъ....

Голодная степь очень утомительна и всегда печальна; но веселая картина голодной степи не такъ тяжело дѣйствуетъ на путе-

шестовника, какъ видѣ степи въ знойный лѣтній день. Весною, особенно въ концѣ апрѣля, степь мѣстами, на большія пространства, покрывается зеленымъ, ярко-красными подсеѣжниками и.... черепаками, которыя, заслушавъ весеннее солнце, отрываютъ отверстіе своихъ норъ и гуляютъ по степи многими тысячами. Это, такъ называемыя, наземныя черепахи (*testudo*). Въмѣстѣ съ ними пробивается изъ земли и стебель невѣдомаго растенія изъ семейства зонтичныхъ, вырастающій за лѣто въ деревцо, иногда до трехъ футовъ вышиною. Растеніе это здѣсь, въ шутку, зовутъ *бухарской капустой*. Имъ покрыта вся голодная степь. Стебель его мучнистъ и ни на что негоденъ, потому что и горитъ плохо, и весьма неприятно пахнетъ. Бухарская капуста, подсеѣжники и нѣкоторые виды соляногъ—вѣтъ и вся флора голодной степи.

Проточной воды въ степи нѣтъ. Колодезную воду пьютъ только при нуждѣ.... А потому, запасъ воды, изъ рѣки Сыра, необходимъ во время перѣезда по голодной степи. Перѣезды совершаются съ *оказией*, т. е. съ конвоемъ изъ пѣхоты или изъ казаковъ. Возчики-сарты всегда имѣютъ для себя и для своихъ лошадей запасъ воды въ *турсукахъ* (*), и самые фешенебельные господа пьютъ въ голодной степи воду, отыскающуюся овчиной.... Но не буду запугивать ничье воображеніе печальною картиною степи лѣтомъ, когда она неоживлена даже черепаками, и когда только однѣ *фаланги* бѣгаютъ по ней, да одинокая птичка, Богъ вѣсть какими судьбами заметѣвшая въ это царство тишины и зноя, чиркнетъ иногда надъ вами въ прѣстранствѣ, и опять все тихо, неподвижно....

Голодная степь способна доставить много сильныхъ ощущеній.... Сильнѣйшее изъ нихъ зовется *жаждой*.... За нимъ слѣдуютъ *скука* и *утомленіе*, такъ что весьма и весьма обыкновенный сартовскій геродишко Дизахъ кажется, послѣ степи, чуть не раемъ. Онъ, пожалуй, и внолнѣ показался бы раемъ, но впечатлѣніе его въ голодной степи сильно подрываютъ родники въ восьми верстахъ отъ него, гдѣ усталые путешественники утоляютъ жажду.... Какъ благодѣтельны были бы эти ключи верстъ на тридцать сѣвернѣе!...

Убѣднѣйшій городъ Сыръ-Дарьинской Области *Джизакъ* или, правнѣе, *Дизакъ* (отнюдь не *Джузакъ*, какъ говорятъ здѣсь) находится у подножія сѣвернаго склона Нуратинскихъ горъ. Дизахъ похожъ на всѣ средне-азіятскіе города. Русскіе въ Дизахѣ жили сначала въ старой цитадели, но потомъ, по неудобству и тѣснотѣ ея,

(*) По киргизски-турсукъ, а по сартовски машкъ—кожаный мѣшокъ, для кумыза, воды и т. п.

гарнизонъ, а съ нимъ и торговцы, выведены изъ города на *Ключи*, въ 3—4 верстахъ отъ города. На «ключатъ» предполагается даже укрѣпленіе, подъ именемъ *Ключево*.

Горы *Нуратанынъ-Тау*, проходящія мимо Ключеваго и Диваха, съ востока на западъ, составляютъ продолженіе *Санзарскаго гребня*. Близъ Ключеваго онѣ невысоки, холмисты и разрываются широкимъ ущельемъ, по которому бѣжитъ быстрая рѣчка, названная русскими *Змѣйкой*.

На половинѣ пути по этому ущелью, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно предполагать главныя явленія совершившагося здѣсь когда-то геологическаго переворота, стоятъ, по обѣ стороны дороги, недалеко другъ отъ друга, двѣ гранитныя массы; у подножія одной изъ нихъ бѣжитъ *Змѣйка*, у подножія другой идетъ дорога. Это — *Илакутѣ* или, по-русски, «Тамерлановы Ворота». На правой твердынь, если ѣхать изъ Диваха, изсѣчена въ гранитѣ арабская надпись, нигдѣ доселѣ неравобранная; въ лѣвой горѣ есть пещера. Глубокаго мрака неизвѣстности окружаетъ прошлое всего этого мѣста, и съ преданіемъ о какомъ-то змѣѣ, обитавшемъ въ пещерѣ лѣвой горы, неразлучно имя Тамерлана, по волю котораго будто-бы начертана надпись на правой твердынь....

Горы *Нурата*, или *Нуратанынъ-Тау*, идутъ отъ этого мѣста прямо на западъ, постепенно возвышаясь и переходя изъ холмистыхъ въ крутыя и скалистыя. Западнѣе Диваха, къ нимъ прилегаеть широкая равнина *Аузъ-Бини*, ограниченная на сѣверѣ холмистыми горами *Чимтау*; изъ Ключеваго укрѣпленія, на долину эту, проѣзжаютъ или черезъ городъ, или логовъ *Гандумчакъ*, и потомъ котловинною *Бюлябашъ*. Долиною *Аузъ-Бини* можно ѣхать до города *Нурата*, и все время подъ горами. Перевалы черезъ нихъ на южный склонъ въ бассейнъ р. *Заравшана* всюду конные; на арбахъ ѣздить только въ Тамерлановы Ворота. Ближайшій къ Диваху конный перевалъ идетъ черезъ ущелье *Беримакюль*, въ 20 верстахъ отъ города; затѣмъ есть трудный перевалъ, еще на 20 верстъ западнѣе, *Бумбилькойтаи*, спускающійся къ ключу *Амандара*, противъ кышлака *Нурекъ*, лежащаго у подножія той огромной горы, которую въ ясную погоду такъ хорошо видно изъ Диваха на западѣ.

Въ ущельяхъ и логовахъ *Нуратанынъ-Тау* много кышлаковъ (зимовокъ). Они населены только зимой, потому что обитатели этой мѣстности, узбеки разныхъ поколѣній, весной, лѣтомъ и осенью ведутъ жизнь кочевую.

Вообще, горы *Нуратанынъ-Тау* извѣстны мало. А знакомство съ

нии, особенно теперь, съ занятіемъ долины Заравшана, необходимо во всѣхъ отношеніяхъ. Въ началѣ 1868 года майоръ (нынѣ подполковникъ) Гриппенбергъ обрелегноспировалъ горы вплоть до города Нурата. Рекогноспировка имѣла цѣлю разслѣдованіе условій, на которыхъ можетъ существовать въ горахъ Нуратаньитъ-Тау укрѣпленіе. Нельзя не желать скорѣйшаго осуществленія этого намѣренія правительства, потому что населеніе горъ дико, воровато и такъ же мало знакомо съ нами, какъ и мы съ нимъ; тогда какъ намъ, въ качествѣ цивилизаторовъ, прежде всего нужно познакомиться со всѣми трудобами края. Нуратинскія горы суть трудобы, неавергавшія когда-то шайки грабителей на дорогу отъ Диваха до Яны-Бургана. Онѣ кажутся на неосторожныхъ проѣзжихъ, захватывали ихъ и пропадали въ шелья Нуратаньитъ-Тау. Теперь тутъ все спокойно, хотя безъ оружія все-таки не ѣздять, потому что на грѣхъ мастера нѣтъ: дорога проходитъ тѣсной.

Передъ *Яны-Бурганомъ* мѣстность сглаживается и похожа на обыкновенную степь.

Яны-Бурганъ, при бухарцахъ, имѣлъ укрѣпленіе, и, до взятія Самарканда, здѣсь стоялъ нашъ передовой отрядъ, съ честію оберегавшій отъ бухарцевъ окраины нашей территоріи, подъ командою полковника (нынѣ артилеріи генераль-майоръ) Абрамова. Изъ Яны-Бургана, черезъ укрѣпленіе на *Камеитомъ Мосту* (гышь-купырь), вы достигате долины рѣки Заравшана и, миновавъ кышлаки *Актыбе* и *Джанбай-Базаръ*, выѣзжаете на рѣку. Еще недалеко васинѣютъ передъ вами высоты *Чулаката*, знаменитыя штурмомъ 1-го мая 1868 года. За ними *Самаркандъ*.... Но о немъ, какъ и о прочихъ приобретеніяхъ нашихъ, въ экспедицію генераль-адъютана фонъ-Бауфмана 1-го, поговоримъ послѣ.

VIII.

МАРШРУТЫ ПО ДОРОГАМЪ РУССКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Примѣчаніе. Маршруты эти опубликованы штабомъ войскъ Туркестанскаго военного округа, при циркулярѣ отъ 15-го апрѣля 1868 г., № 13.

	Число верстъ.		Число верстъ.
1) Отъ Оренбурга до Орска.	265	Сары-Камышь	36 ¹ / ₄
2) Отъ Орска до Казалинска:		Бугаты-сай	22
		Дамды	19
		Банъ-Барабутакъ	28 ¹ / ₄
Тованъ	27	Фортъ-Барабутакъ	20
Истемесь	32	Чулакъ-Байрақты	32 ¹ / ₂
Араль-Тюбя	25 ¹ / ₂	Бумъ-сай	25 ¹ / ₄

Бара-сай	26 ³ / ₄	Акь-Муалы	16
Сараи	32 ¹ / ₂	Бугунь	30
Базыль-яръ	30 ¹ / ₂	Р. Арысь	30
Бузь-Гумерь	14 ³ / ₄	Буръяръ	20
Укрѣпленіе Уральское	20	<i>Гор. Чимкентъ</i>	14
Озеро Джалантачь	20	Бегляръ-беги	25
Батый-куль	18	Шарапхана	20
Джалавлы	36	Джери	12 ¹ / ₂
Терекли	30	Акь-Джаръ	18
Джулюсь	17	Бапланъ-бекъ (гышъ-ку- пырь)	18
Бара-кудукъ	18	<i>Ташкентъ</i>	19
Дунгурлюкъ-саръ	30	4) Отъ Ташкента до Чимкента. (Смотри маршрутъ № 3).	
Алты-кудукъ	26	5) Отъ Чимкента до Токмана:	
Вуль-кудукъ	18	Манкентъ	24
Акь-Джуласъ	21	Машатъ	12
Болод. Сапнакъ	28	Ясь-Бичу	14
Озеро Бамышлы-башъ	28	Чакъ-Пакъ	28
Викъ-баули	34	Теръ	28
Г. Базалинскъ (Фортъ № 1)	22	Хусанъ	17
3) Отъ Базалинска до Ташкента:		Аси-Буда	21
Баскара	18	<i>Г. Аулиъ-Ата</i>	16
Майли	22	Узунъ-Булакъ	28
Акь-Суатъ	32	Учь-Куль	17
Акь-Джаръ	21	Джаръ-су	28
Ильчибай	24	Тарты	31
Бари-Тугай	26	Бара-су	16
Хур-хутъ	20	<i>Укр. Меркэ</i>	17
<i>Фортъ № 2-й</i>	18	Чалдываръ	25
На складъ саксаула	20	Бара-Вагты	28
Букабай-куль	23	Сукулукъ	31
Баюзакъ	25	Ала-Арча (Пишпекъ)	17
Кумъ-куль	25	Науру	18
Куль ике	25	Бегеты	32
<i>Г. Перовскъ</i>	25	<i>Г. Токмакъ</i>	17
Бирюбай	16	6) Отъ Ташкента до Ходжента.	
Боръ-Базанъ	14	Куйлюкъ (переправа чрезъ р. Чирчикъ)	12
Джарты-кумъ	18	Той-Тюбе	22 ¹ / ₂
Сары-Чаганакъ	25	Кереучи	18
Таръ-Тукай	25	Бр. Толлю	30
<i>Укр. Джулукъ</i>	30	Юбелекъ	30
Мешеули	25	Бол. Рабатъ	18
Джалпакъ	25	— Джаяъ-булакъ	36
Тюмень-армыъ	25	— Мурза-Рабатъ	(?)
Яны-Бурганъ	19	<i>Гор. Ходжентъ</i>	24
Арасатъ	35 ¹ / ₂	7) Отъ Ташкента до Диваха:	
Сауранъ	35	Зангата	16
Боянъ-Мизгилъ	28	Стар. Ташкентъ	30
<i>Г. Туркестанъ</i>	22		
Иканъ	22		
Уроч. Чукычъ (молодцы)	19		

<i>Кр. Чиназъ</i>	32	<i>Саягиль</i>	21
<i>Бугры Учъ-тюбе</i>	15	<i>Укр. Зааминъ</i>	34
<i>Бол. Яка-Сардаба</i>	8	<i>Савать</i>	25
<i>Мурза-Рыбатъ</i>	30	<i>Кр. Ура-тюбе</i>	32
<i>Агачъ-ты-Сардаба-Рабать</i>	21	<i>Науганды</i>	15
<i>Г. Дизахъ</i>	26	<i>Укр. Нау.</i>	25
8) Отъ Дизаха до Ходжента:		<i>Г. Ходжентъ.</i>	25

IX.

КОКАНСКАЯ И БУХАРСКАЯ МОНЕТА.

		<i>Золотая:</i>
<i>Тилля</i> =	{	Коканская 3 руб. 80 коп.
	{	Бухарская 4 руб.
		<i>Серебряная:</i>
<i>Тенгё, или коканъ</i> =	{	Коканскій 20 коп.
	{	Бухарскій 20 коп.
		<i>Мъдная:</i>
<i>Чакъ</i> =	{	Коканская $\frac{1}{2}$ коп.
	{	Бухарская $\frac{1}{2}$ коп.

X.

КАРМАННЫЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Примѣчаніе. Рекомендуется обратить особенное вниманіе на ударенія.

	<i>По-киргизски.</i>	<i>По-сартоски.</i>
Приведи лошадей.	Ать-китырь.	Тоже.
Приведи смирныхъ лошадей.	Джуась-ать-китырь.	Нуашъ-ать-китырь.
Приведи верблюдовъ.	Тюэ-китырь.	Тоже.
Нужно смирныхъ верблюдовъ.	Джуась-тюэ керекъ.	Нуашъ тюа керекъ.
Хороша-ли дорога?	Джуль-джаксыма?	Юль-яхши-ма!
Нехороша.	Джаминъ.	Яманъ.
Скоро, живо.	Тизъ, тизрекъ.	Даррау.
Надобно мазать оси.	Биль-агачъ майляманъ-керекъ.	Окъ-агачъ майляманъ.
Вотъ деготь.	Мына карамай.	Берекъ.
Вотъ сало.	Мына май.	Тоже.
Садись.	Утуръ.	Тоже.
Берегись неровной дороги.	Чункурданъ абайла.	Тсже.
По хорошей дорогѣ пошелъ!	Джаксы-джулда айда.	Яхши-юлда-айда.
Тихе, тихе.	Акрынъ, акрынъ.	Секинъ, секинъ.
Сколько верстъ осталось до станціи?	Нича чакрымъ калды?	Нича ташъ калды?
		<i>Примѣчаніе:</i> ташъ=8 верстамъ.
Далеко-ли?	Алысма?	Узакма?

Съ горы тише.
Держи, держи.
Останови!
Погоняй!
Покажи базаръ.
Скажи цѣну.
Дорого.
Дешево.
Рубль.

Копѣйка.

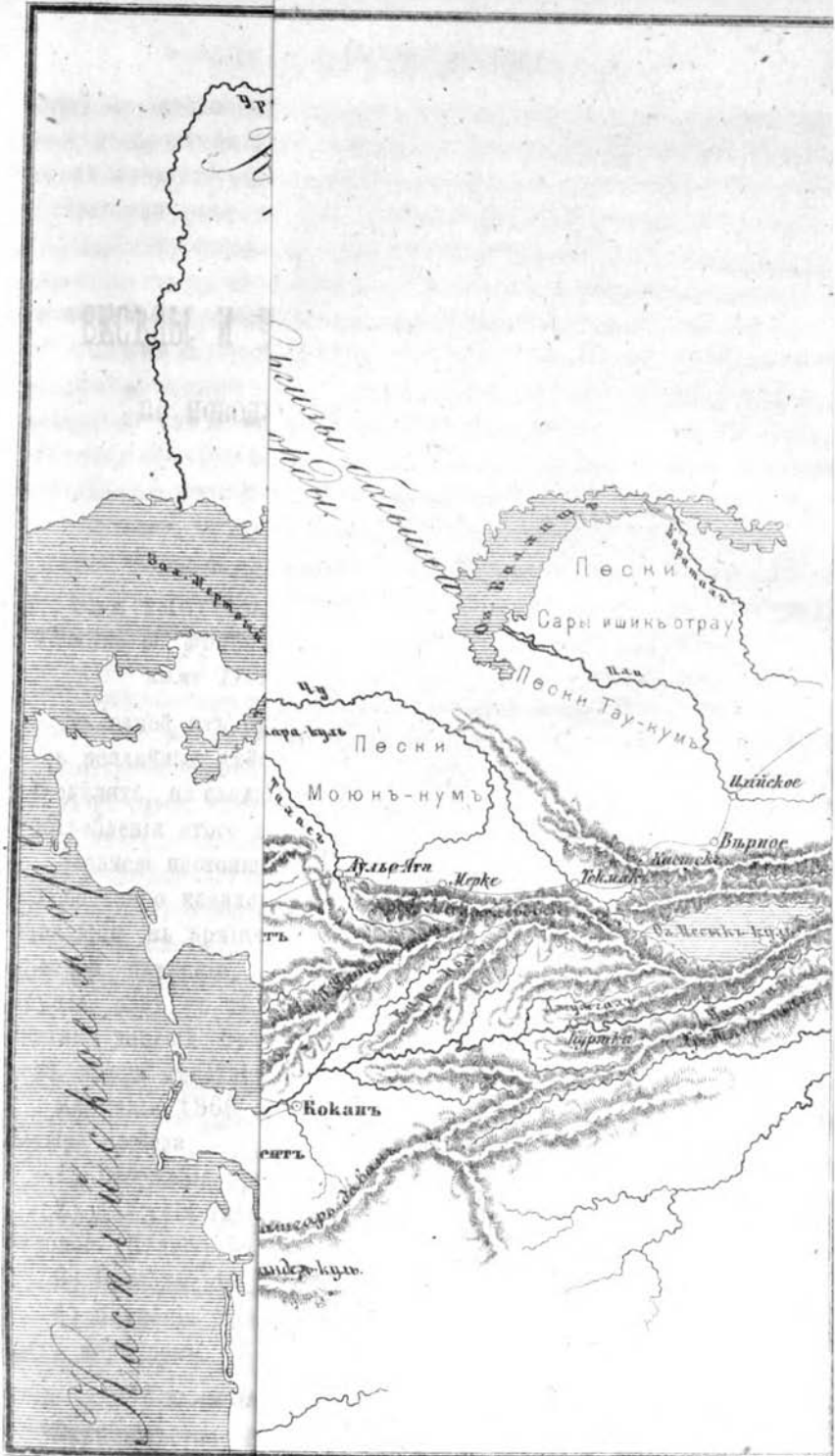
Тауданъ акрынь.
Уста, уста.
Токта.
Айда.
Базаръ курсеть.
Бясень-айтъ.
Бымбаъ.
Арзанъ.
Сумъ.
Тинь.
1. Бирёу.
2. Икеу.
3. Ушеу.
4. Дюртеу.
5. Бисеу.
6. Алтау.
7. Джитеу.
8. Сигизъ.
9. Тогузъ.
10. Унь.
11. Унь бирь.
12. Унь ики.
И т. д.
20. Джигырма,
21. Джигырма бирь.
И т. д.
30. Отузъ.
31. Отузъ-бирь.
И т. д.
40. Брыкъ.
50. Илю.
60. Алпысь.
70. Джитмишь.
80. Сиксанъ.
90. Токсанъ.
100. Джюзъ.

И т. д.

Тагданъ селинь.
Ушла, ушла.
Тоже.
Тоже.
Тоже.
Багасъ-айтъ.
Бымбаъ.
Тоже.
Примѣчаніе. Сарты на
рубль не считаютъ.
Тоже.
Бирь.
Ики.
Учь.
Тюртъ.
Бишъ.
Алты.
Итты.
Сяккызъ.
Тонгузъ.
Тоже.
Тоже.
Тоже.
И т. д.
Игырма.
Игырма бирь.
И т. д.
Утузъ.
Утузъ-бирь.
И т. д.
Брыкъ.
Илийъ.
Алтымышъ.
Итмишь.
Тоже.
Тоже.
Юзь.

А. Хорошкинъ.

КАРТЪ ПАМІРНА ПО БНАТЕРЪ ОФ Д N° 134